

ОРУЖИЕ 1'92

*Неизвестный
портрет героя*

*Пехота
шведской армии
под Полтавой*

*Гвардия
Петра
Великого*

*Ульмская
операция*

*Оловянные
солдатики
в России*

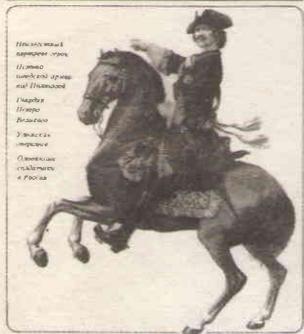

Учредители: Всесоюзная Ассоциация «Реабилитация инвалидов» и Коммерческий центр НПО ФИРН.
Рег. свидетельство № 1526.
Издатель: Редакция военно-исторического журнала «ОРЕЛ».

Редакционный совет:

Г. Э. Введенский
Г. В. Вилинбахов
Ж.-Л. Вио
В. Г. Данченко
А. Е. Иоффе
П. К. Корнаков
А. Н. Кулинский
С. А. Легин
О. В. Соколов
Б. Ю. Степанов
В. М. Файбисович
О. В. Шаталов

ОРЕЛ 1992

На обложке:
Петр Великий в мундире
Преображенского полка.
Илл. С. Летина

Главный редактор С. В. Горунов

Над номером работали:

Е. Б. Большаков
А. И. Бородин
В. А. Васильева
И. Д. Висоцук
М. Ю. Горунова
С. Е. Еременко
Н. В. Зубков
Н. А. Зубкова
А. М. Кокшаров
В. А. Кудашкин
В. В. Румянцев
В. Н. Шиканов

Подписано в печать 20.02.92. Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×90/8. Тираж 100 000. Гарнитура таймс. Зак. № 7138. Цена договорная.

Адрес редакции: 197198, Санкт-Петербург, а/я 422 «ОРЕЛ».

Отпечатано в ЛПО «Типография им. Ивана Федорова». Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, д. 11.

© Военно-исторический журнал «ОРЕЛ», 1992 г.

ВНИМАНИЕ!

Объявлена подписка на журнал «Орел» на 1992 год.

Периодичность журнала в 1992 году — 1 раз в квартал.

Для оформления подписки на год необходимо выслать почтовым переводом на расчетный счет редакции залоговую сумму 40 руб. На бланке почтового перевода разборчиво указать свой точный обратный адрес.

Организациям, желающим подписаться на журнал, следует перевести на расчетный счет редакции указанную сумму и к платежному поручению приложить письмо с указанием своего точного почтового адреса.

Редакция военно-исторического журнала «Орел» объявляет подписку на приложения к журналу:

1. Иосиф Флавий.

«Иудейская война» — репринтное издание в твердом переплете.

Цена по подписке 30 рублей.

2. Александр Эксквемелин.

«Пираты Америки» — в мягкой обложке.

Цена по подписке 13 рублей.

Для получения книг по почте необходимо перечислить почтовым переводом указанную сумму на расчетный счет Редакции и указать свой точный адрес.

Торопитесь: тираж книг ограничен.

Военно-исторический ордена Красной Звезды музей артиллерии, инженерных войск и войск связи предлагает:

1. Сборник исследований и материалов Военно-исторического ордена Красной Звезды музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Выпуск V (редактор В. Н. Загорюлько). Л., 1990. — 220 с.

Книга предназначена для музейных работников, военных историков и широкого круга читателей.

2. Лиля Константиновна Маковская. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Каталог (редактор С. И. Сажина). М. Военное издательство. 1990. — 248 с.

Данная работа рассчитана на широкий круг историков, военных специалистов и музейных работников.

3. Федор Емельянович Пашко. Связисты в боях за город Ленина (редактор В. И. Загорюлько; Предисл. В. П. Зайцева). — Л., 1990. — 100 с.

Подписчикам журнал будет приходить по почте. Получение редакцией указанной суммы гарантирует включение вас в список подписчиков. В случае увеличения цены Вы лишь доплатите необходимую сумму.

Расчетный счет редакции: 39000467143 в филиале ОПЕРУ-5 коммерческого ЛПСБ МФО 161057.

Ранее присланные заявки на получение журнала по почте наложенным платежом действительны до конца 1991 года.

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству предприятия и организации, занимающиеся распространением печатной продукции.

Предложения о публикациях и предложения просим направлять по адресу: 197198 Санкт-Петербург а/я 422 «ОРЕЛ».

4. Илья Александрович Левинтов, Николай Александрович Нестеров.

Реликвии ратной славы. Военно-исторический ордена Красной Звезды музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Путеводитель (редактор А. Н. Степанюк). Л., 1991. — 14 с.

Буклет-путеводитель может быть полезен для всех посетителей музея, жителей и гостей Санкт-Петербурга.

5. Александр Трофимович Пугач. В тяжелую пору (редактор А. Н. Степанюк). Л., 1988. — 67 с.

Книга предназначена для массового читателя.

6. Каталог рисунков Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (составитель Т. И. Абольская, под общей редакцией А. А. Сотникова). Л., 1973. — 757 с.

МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С момента выхода в свет военно-исторического альманаха «ОРЕЛ» прошло около шести месяцев.

Было время осмыслить концепцию выбранного направления, решить многие вопросы полиграфического исполнения, приобрести необходимое количество бумаги. Но самое важное — было время проанализировать поток писем, обрушившихся на редакцию.

«Да поможет Бог этому начинанию!» — пишут Д. Шишкин и В. Галицкий из Саратова.

«В имеющемся дефиците информации Ваш альманах — глоток свежего воздуха», — М. Фролов (г. Речица, Гомельская обл.).

«Журнал меня буквально потряс, — пишет Т. Мазитов из Оренбурга, — прекрасные иллюстрации, живой, доходчивый текст, — что может быть лучше для освещения Наполеоновской эпохи»...

Мы благодарны нашим читателям, которые прислали свои отзывы и пожелания. Конечно, ответить на все вопросы и учесть все пожелания невозможно, однако можно попытаться обобщить высказанное, ибо путь к диалогу с читателем уже проложен.

Приятно отметить, что журнал читают «от Москвы до самых до окраин». Есть подписчики у «ОРЛА» в Калуге (Ивано-Франковская обл.), в Шкотово (Приморский край), в Выборге и Ташкенте. Появились читатели в Париже, Нью-Йорке и Риме.

И. Иванов из Омска предлагает помещать на обложке двуглавого орла, а название журнала подавать в соответствии с правилами старой орфографии — «ОРЕЛЬ».

В связи с этим следует отметить, что журнал «ОРЕЛ» возник не на пустом месте и сама идея создания подобного издания прошла все стадии развития, роста и становления. Эмблема, изображенная на обложке, была создана на базе римского орла и стилизована для использования в качестве фирменного и товарного знака издательства. Поэтому не следует искать аналогий и совпадений с какими бы то ни было символами и отождествлять журнал со всевозможными течениями и группами.

Журнал независим. Редакция равноценно относится ко всем материалам, поступающим от авторов, независимо от убеждений, общественной и национальной принадлежности. Главное — совпадение по тематике и стиль предлагаемых к публикации статей.

С «нулевого» номера, подготовленного в основном для изучения мнений и проведения рекламной кампании, невозможно говорить об успехах замысленного предприятия, однако письма наших читателей свидетельствуют об интересе к затронутой теме, актуальности поставленных задач и правильном направлении.

Многие читатели интересуются возможностью публикаций приложений к журналу «ОРЕЛ». В 1992 году издательство «ОРЕЛ», специализирующееся на подготовке изданий по военно-исторической тематике, выпускает в свет целый ряд книг, брошюр, буклетов, открыток, плакатов и других видов полиграфической продукции, о возможности приобретения которой будет постоянно сообщаться в рекламных объявлениях на страницах журнала.

В заключение следует отметить, что установившийся диалог с читателем очень важен для формирования портфеля будущих публикаций и наиболее интересные письма и предложения в адрес редакции будут публиковаться на страницах журнала.

Коллектив редакции еще раз выражает благодарность всем, кто прислал письма с пожеланиями и откликами и желает дальнейших успехов на ниве изучения российской и мировой истории.

С уважением, Сергей Горунев.

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 **В. ДАНЧЕНКО.**
Российская рыцарская Академия
- 5 **С. ЛЕТИН.**
Гвардия Петра Великого 1702—1725 годов
- 15 **А. НИКИТИН.**
Полтавская регалия
- 18 **А. ВАСИЛЬЕВ.**
Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой
- 28 **О. СОКОЛОВ.**
Ульмская операция 1805 г. Часть II
- 33 **В. ФАЙБИСОВИЧ.**
Неизвестный портрет героя 1812 года
- 36 **Г. ВВЕДЕНСКИЙ.**
Пистолеты декабриста?
- 38 **Г. ВИЛИНБАХОВ.**
Оловянные солдатки в России
- 40 **В. КОРОЛЕВ.**
Кисти гренадерских шапок, мушкетерских и егерских шляп в 1802—1807 годах

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Орел» поздравляет редакцию московского журнала «Цейхгауз» с выходом в свет первого номера. Желаем успешной работы на благо наших читателей!

РОССИЙСКАЯ РЫЦАРСКАЯ АКАДЕМИЯ

Нередко значение событий и фактов прошлого с течением времени подвергается основательной переоценке. Бывшие незаметными или казавшиеся обычными, они впоследствии, в контексте новых исторических обстоятельств, предстают в ином свете и делаются более или менее значимыми. Справедливость этого лишний раз подтверждается при обращении к истории I Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса, положившего начало «регулярному» военному образованию в России. Сюжет этот привлекал внимание историков, которых сейчас принято называть дореволюционными, и именно они сделали его предметом всестороннего изучения, введя в научный оборот большой комплекс архивных материалов.¹ Современные отечественные гуманитарии, в том числе и военные историки, как пра-

вило, лишь касаются темы российских кадетских корпусов, замечая мимоходом, что эти учреждения, занимаясь подготовкой и воспитанием будущих офицеров царской армии и гвардии, являлись по существу «оплотом самодержавия» и рассадником реакционных идей. Правда, в отдельных публикациях встречаются упоминания об известных фактах существования в I Кадетском корпусе своего театра, одной из лучших в России библиотеки, типографии и пр., но они не меняют общей тональности суждений. Тем более у многих живы в сознании образы кадетов как этаких малолетних защитников самодержавия, борцов против светлого будущего, навеянные определенным рода фильмами и литературой. Подобная вульгарная засоренность, естественно, не способствовала объективному изучению исто-

рии военного образования в России.

Любопытно, что те немногочисленные советские исследователи, которые занимались военно-учебными заведениями России, обходили именно «кадетские» сюжеты, так и не нашедшие должного освещения на уровне современных знаний. Между тем, становление и развитие этого вида учебных заведений оказало особенно в XVIII в., существенное влияние на всю систему образования и просвещения в стране.

Вид вниз по Неве от наплавного моста. Фрагмент. Картина неизвестного художника по рисунку 1749 г. И. И. Махаева. 1750 г. Справа — изображение части Васильевского острова и Кадетского корпуса.

В 1731 г. последовал ряд указов императрицы Анны Иоанновны об учреждении на «Васильевском острове» Сухопутного Шляхетного Кадетского корпуса и регламентирования его жизнедеятельности.² Это было едва ли не единственным серьезным нововведением в период так называемой бироновщины, который по сравнению с предшествующей эпохой реформ выглядел крайне скудным на идеи и масштабные действия. В целом можно согласиться с общепринятой характеристикой правления Анны Иоанновны — во многом при ней наблюдался отход от петровских заветов. Во многом, но не во всем. Все же актуальными оставались те принципы камералистики, теории создания и жизнедеятельности регулярного государства, которых придерживался Петр I, проводя политику преобразований. Его наследники на троне стремились, в меру сил и способностей сохранив основу реформированной ранее системы государственного управления, приспособить ее к новым условиям. Это приводило, в свою очередь, к возрастанию роли администрации и чиновничества на всех уровнях. Не изменилось и положение армии, одного из любимых детищ Петра I, бывшей важным инструментом внешней и внутренней политики.

Административные и военные структуры были важными сферами приложения сил служилого дворянства, громко заявившего о себе в событиях в Москве 1730 г., при избрании Анны Иоанновны на престол. Это превышало требования к его подготовленности как в специальном, так и в общеобразовательном смысле. Стало ясно, что система образования, созданная при Петре, нуждается в основательном усовершенствовании. Начальные, «цифирные» школы, учрежденные в годы Северной войны, давали более или менее специальные знания, причем в короткий срок, с тем чтобы уложиться в темп развития вооруженных сил и хода боевых действий. Обстоятельства требовали оперативной подготовки офицеров армии и флота, а также военных офицеров. При этом упор делался на изучение прикладных наук, в то время как гуманитарным не уделялось должного внимания в учебных программах. Явственно ощущалась нехватка широко образованных дворян, которые могли бы более продуктивно участвовать в работе государственного аппарата. До поры до времени Петра устраивали «вчерашние» приказные дьяки и подьячие, но все усложнявшийся механизм разных структур управления подразумевал другой уровень знаний. Кроме того, обмирщение и европеизация культуры (а эти процессы проходили при активном участии государства) как будто способствовали переходу к новой ступени в политике просвещения, что должно было выразиться в создании учебных заведений, дававших более универсальную подготовку дворянским недорослям. В этой связи справедливым кажется замечание американского историка М. Раева о том, что еще в петровское время «...молодых слуг государевых привлекала отнюдь не техника... приобретение общей культуры стало желанным само

П. И. Ягужинский. Литография П. Бореля. Середина XIX в. Один из виднейших сподвижников Петра I. Участвовал в «затейке» верховников, стремившихся ограничить власть будущей императрицы Анны Иоанновны, позже перешел на ее сторону. В 1732—1734 гг. был послан в Берлине, в 1735 г. — кабинет-министр. Подготовил проект об учреждении в России кадетских корпусов.

по себе».³ Вероятно, интерес дворянства к общей культуре (который, впрочем, не стоит переоценивать) нашел бы удовлетворение в соответствующих учебных заведениях, но при Петре они не были учреждены. Эту роль суждено было сыграть I Кадетскому корпусу.

Автором создания этого типа учебных центров считается один из сподвижников Петра, П. И. Ягужинский. На основании знакомства с опытом деятельности кадетских корпусов Дании и Пруссии, он составил проект организации аналогичных учреждений и в России. Было ли это простым перенесением иностранных структур на русскую почву, или же Ягужинский учитывал отечественные особенности? Думается, последнего избежать было невозможно, принимая во внимание существенные различия в динамике развития общества в России и в указанных европейских государствах. С другой стороны, явственно ощущалось желание автора с «петровским размахом» решить дело: так, предлагалось одновременно создать два корпуса по 500 воспитанников в каждом; однако при этом он и не предполагал, какие трудности с материальным обеспечением, с комплектованием штата преподавателей могут возникнуть. Незыблемым оставался принцип сословности, согласно которому в Корпус могли быть приняты только «молодые шляхтичи». Предложенный проект учебной про-

граммы во многом был заимствован из программы Ritterakademien, в которой старались соблюсти разумное сочетание утилитарных прикладных наук и гуманитарных дисциплин. Она и стала основой учебного процесса в классах Корпуса, названных Рыцарской академией. Так, впервые в России в системе образования были представлены иностранные языки: немецкий, французский, английский, итальянский и латынь.⁴ Кадеты должны были также изучать генеалогию, геральдику, историю, литературу, юриспруденцию, географию. Обязательными считались и точные науки — физика и математика и, естественно, специальные военные дисциплины. Предполагалось создание и рисовальных классов для занятий черчением и живописью. Особую группу представляли «шляхетские искусства»: фехтование, верховая езда, танцы.

Вне всякого сомнения, этот тип учебных заведений был совершенно новым для России. Создание Кадетского корпуса знаменовало собой существенный уровень европеизации системы образования. Однако пройдет еще немало лет, прежде чем «Корпус для кадетских детей» станет очагом культурной жизни российского общества.

На первых порах ощущалась едва ли не полная неподготовленность к началу занятий. Во-первых, существовали проблемы с «обживанием» дворца петровского фаворита А. Д. Меншикова, за несколько лет до этого вынужденного отправиться в Сибирь. Именно в его дворце было определено учредить Корпус. После опалы и ссылки владельца, занятый в течение ряда лет различными ведомствами, дворец быстро ветшал, многие его помещения требовали ремонта. На это необходимы были время и средства, а «Канцелярия от строений» отказывалась выполнять работы, ссылаясь на то, что это здание не входит в их ведение.

Во-вторых, и это более важно, проводить занятия в предполагаемом полноценном объеме не представлялось возможным: не хватало преподавателей. На первых порах в качестве последних выступали унтер-офицеры армейских полков и гвардии, знавшие нередко не многим больше самих воспитанников.⁵ Некоторые преподаватели вели занятия по нескольким дисциплинам, о профессорах Академии наук речь в то время не шла. При приеме преподавателей в Корпус не устраивались конкурсы или аттестации, а принимали всех, кто хотел, но желающих было немало из-за низкого жалования и проблем с жильем.

Неудивительно, что в первые годы существования Корпуса уровень подготовки воспитанников был не очень высоким. Так, в 1737 г. в одном из донесений в Сенат сообщалось, что свыше одной четверти кадетов двадцатилетнего возраста «не из каких наук ничего не разумели».⁶ И тут, думается, дело заключалось не только в нерадивости и неспособностях учеников.

Постепенно Корпус «обживается» в стенах «меншиковских» зданий, появляется необходимость в строительстве новых помещений. Силами воспитанников возводится земляной городок для занятий

Ф. Г. Волков. Портрет работы А. Лосенко. Волков считается одним из основателей русского театра, первым отечественным профессиональным актером. Принимал активное участие в создании и деятельности ярославской труппы «комедиантов». В 1752 г. ярославцы прибыли в Петербург, где дали несколько представлений, в том числе и при дворе. Волков и несколько его товарищей были определены в Кадетский корпус, где составили основу «кадетского» театра. Этот театр играл важную роль в культурной жизни столицы.

по тактике, появляется «строение для лошадиного учения», приводится в порядок некогда великолепный, но к тому времени основательно запущенный княжеский сад. К преподавательской деятельности все больше привлекаются профессора Академии наук, принесшие в Корпус передовую науку. В целом 30—40-е гг. XVIII в. можно назвать периодом становления этого учебного заведения. В дальнейшем I Кадетский корпус довольно быстро превращается в один из известных в стране центров образования и культурной жизни не только в столице, но и в стране. Постановки кадетской театральной труппы пользуются большим успехом, в ней совершенствовал свое мастерство один из основателей русского драматического театра Ф. Волков. Библиотека корпуса насчитывала тысячи томов, в том числе и на иностранных языках. Воспитанники делали переводы произведений европейской литературы, было основано также несколько литературных журналов, где публиковались эти переводы и авторские статьи. Общая направленность, принятая Кадетским корпусом, оказывала влияние на всю российскую систему образования и педагогику. Многие школы и частные учебные заведения строили свою работу, исходя из его программы и сложившихся в нем методов преподавания. Знаменательно, что один

из столпов отечественной педагогической науки, И. И. Бецкой одно время был его директором.

Когда речь заходит о кадетских или Пажеском корпусах, как правило, не преминут подчеркнуть исключительность этих заведений не только в плане уровня преподавания, но, главным образом, с точки зрения социального состава учащихся, которым, якобы, был обеспечен сравнительно легкий путь к достижению *cursus honorum* («дороги славы»).

Безусловно, и это уже отмечалось, «Корпус кадетов» создавался именно для дворянства, прием в него не дворян, например братьев Волковых и некоторых других ярославских комедиантов, был одним из немногих исключений. Правда, между Кадетским и Пажеским корпусами существовала известная разница. В первый принимали дворянских недорослей, невзирая на материальное благополучие их семьи, количество крепостных и т. д., в то время как в Пажеский корпус право поступления имели представители тех семей, главы которых достигали определенных, весьма высоких положений по службе — 3-го и 4-го классов Табели о рангах. Что же касается перспектив после окончания, то они далеко не всегда выглядели безоблачными. Важными критериями были успеваемость и отсутствие серьезных дисциплинарных проступков. Более весомым считалось первое условие. Если кадет обучался «изрядно», то по окончании он мог получить чин подпоручика или поручика и направлялся в войска. Если же успеваемость его оставляла желать лучшего, то он мог быть выпущен унтер-офицером.⁷ Известны случаи, когда нерадивых воспитанников отправляли в музыкантские команды или на время направляли в гребцы.

А. П. Сумароков. Портрет работы М. Розокова.

Известный русский писатель, драматург и публицист. Выпускник Кадетского корпуса, где позже в течение ряда лет преподавал. Осуществлял постановки пьес, в том числе и своих, в корпусном театре.

Относительно тех, кто определялся в гражданскую службу, а таких было немало, известно, что и они начинали свою карьеру с самых низов, с XIV или XII классов. Во многом сказанное касалось и выпускников Пажеского корпуса. Таким образом, рассуждения о привилегированности кадетских выпускников в достижении «степеней известных» являются абсолютно надуманными. Другое дело, что уровень знаний, который получали кадеты, особенно в XVIII в., был, безусловно, выше, чем в большинстве учебных заведений России и был сравним с университетским благо в этих центрах преподавали одни и те же профессора. По «кадетской» программе было построено обучение и в Пажеском корпусе.

Что касается «реакционности» кадетов, то здесь уместно будет напомнить известные сведения о том, что кадеты искренне поддерживали декабристов и сами хотели выйти на Сенатскую площадь. Не менее интересны сведения и о существовании в Корпусе своеобразной стены, на которой воспитанники могли выражать свои мысли и эмоции. Офицеры и воспитатели нередко обращали внимание руководства Корпуса на появление надписей, выдержанных в духе «вольтерьянства». Это неудивительно, если учесть, что в кадетской библиотеке были широко представлены сочинения французских просветителей.

Учебные заведения подобного типа появляются в Москве, других городах. Со временем они были реорганизованы в военные гимназии, затем опять восстановили свой статус. Первый Корпус также пережил все эти административные реорганизации, и хотя и стал одним из многих, однако сохранял традиции, сложившиеся еще в первой половине XVIII в. Как и все подобные учреждения, он был упразднен явочным порядком советской властью в 1917 г. И хотя в его здании впоследствии также располагались уже советские военно-учебные заведения, все же облик дворца Меншикова напоминает о том времени, когда здесь находилась первая «Рыцарская академия», в которой воспитывалась культурная и военная элита России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Мельницкий В. Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства). СПб., 1857; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус: Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1907; *Антонов А. Н.* Петербургский кадетский корпус. СПб., 1907, и др.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V (далее — ПСЗ).

³ *Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Лондон, 1990. С. 67—76.

⁴ ПСЗ. Т. IV; Центральный Государственный Военно-исторический Архив. Ф. 24. Оп. 1. Д. 225. Лл. 14—20 (далее — ЦГВИА).

⁵ ЦГВИА. Ф. 314. Д. 1650. Лл. 3—5, 10—30 об.

⁶ *Лузанов П. Ф.* Ук. соч. С. 34.

⁷ ЦГВИА. Ф. 324. Оп. 1. Д. 225. Лл. 58, 107—108.

ГВАРДИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 1702—1725 ГОДОВ

Еще с прошлого столетия годом рождения Российской гвардии принято считать 1683 г., когда обычные для отроков царствующего дома воинские «потехи» у десятилетнего царя Петра Алексеевича приняли характер более серьезный, нежели стрельба из лука и порча игрушечных барабанов. Из товарищей своих детских забав он формирует «потешную» дружину, с которой совершает походы в окрестностях дворцовых подмосковных сел, старательно изучая азы воинской науки.

Около 1690 г. Петр разделил «потешного строя людей всяких чинов» на два полка — Преображенский и Семеновский, дав им организацию, подобную существовавшей в «выборных» солдатских полках. Преображенский полк в это время насчитывал в своих рядах около 2000 человек, разделенных на роты численностью от 60 до 80 рядовых, 3 офицеров, 8 урядников и 4 музыкантов.¹

Новосформированные полки продол-

жали совершенствовать боевое мастерство на подмосковных полях, сражаясь с условным противником из стрельцов и выборных солдат. В 1695—1696 гг. они получили первое боевое крещение под стенами Азова. Уже тогда, в конце 1690-х гг., оба полка стали играть роль своеобразной школы подготовки командного состава для начинавшей создаваться новой армии, необходимой Петру для поединка с грозным северным соседом — Швецией.

В первом же крупном сражении Северной войны, у осажденной русскими Нарвы 19 ноября 1700 г., преображенцы и семеновцы оправдали почетное наименование «лейб-гвардии», данное им тремя месяцами ранее, 22 августа 1700 г. Оказав достойное сопротивление стремительному натиску едва ли не лучшей армии Европы, гвардейцы спасли русское войско от грозившего ему уничтожения.

Начиная с этой достопамятной, но неудачной баталии, оба гвардейских полка не пропустили ни одного сколь-либо вы-

дающегося военного события русской истории первой четверти XVIII в. Под знаменами Петра они закончили свою боевую

Битва при Лесной 29 сентября 1709 г. Раскрашенная гравюра работы Н. Лармессена по рисунку П.-Д. Мартена-младшего. 1720-е гг. Военно-исторический музей А. В. Суворова. Санкт-Петербург.

Гравюра изображает поражение, нанесенное российской армией шведскому корпусу генерала Левенгаупта. Слева изображен Петр в сопровождении свиты. Сам государь и некоторые из офицеров одеты в парадные мундиры лейб-гвардии Преображенского полка. На втором плане изображены драгуны в красных мундирах, выдвигающиеся в боевую линию войск. К ним скачет адъютант с белой повязкой на рукаве. В глубине — сражающиеся русские и шведские полки.

Петр I в Полтавском бою. Фрагмент картины П.-Д. Мартена «Полтавская баталия». 1720-е гг. Екатерининский дворец, г. Пушкин. Петр изображен в парадном мундире офицера л.-гв. Преображенского полка — темно-зеленом кафтане с красными обшлагами, богато расшитом золотыми галунами. Мартен использовал для создания своей картины материалы, предоставленные самим заказчиком — Петром. Это и определило наличие таких специфических деталей образа Петра, как его мундир и оружие — кортик, часто используемый им в сражениях.

службу в 1722 г. у стен покоренного Дербента. За все это время организация Преображенского и Семеновского полков практически не изменялась. Согласно этой организации, первый состоял из четырех, а второй — из трех батальонов, делившихся на четыре фузилерные роты. Сверх того в обоих полках имелось по гренадерской роте и по артиллерийской команде. В Преображенском полку последняя называлась Бомбардирской ротой, капитаном ее был сам Государь. В 1704 г. гренадерские роты в обоих полках состояли из 3 обер-офицеров, 8 унтер-офицеров, 179 капралов и рядовых, 3 барабанщиков и 4 нестроевых чинов. Фузилерные роты имели в своих рядах по 4 офицера, 11 унтер-офицеров, 172 капрала и рядового, 4 барабанщика и 5 нестроевых чинов. Численность рот с течением времени менялась, но организационных перемен во все царствование Петра не производилось.

С 1707 г. Преображенский и Семеновский полки были «учреждены конными» — т. е. для удобства и скорости передвижения посажены на лошадей и снабжены драгунским снаряжением. Француз Моро де Бразе, служивший в русской армии во время Прутского похода 1711 г., в своих записках рассказывает об этом следующее: «...полки сии хотя пехотные, но в походе садятся на конь и идут с литаврами, штандартами и трубами (тоже и Ингерманландский и Астраханский). В лагере или в городе им возвращают барабаны». ² Драгунский способ передвижения гвар-

дейцы сохранили до самого конца Северной войны, последний раз сев в седла для торжественного вступления в Москву после взятия Дербента 18 декабря 1722 г.

24 января 1722 г. Петр утвердил закон, регламентировавший порядок прохождения государственной службы и состоявший из «Табели о рангах» и 18 статей, ее комментировавших. Там содержалось положение, достойно увенчавшее славные боевые дела петровской гвардии. Согласно «Табели», гвардейские штаб- и обер-офицеры получали перед своими армейскими собратьями старшинство в два чина, что давало известные преимущества при продвижении по служебной лестнице.

ОБМУНДИРОВАНИЕ

Вернувшись летом 1698 г. из заграничного путешествия с «Великим посольством», Петр приступил к переодеванию своей армии с целью приблизить ее внешний облик к европейским стандартам. Тогда же на Генеральном Дворе в Преображенском было приказано приготовить для сравнения образцы «венгерских» и «французских» кафтанов. ³ Предпочтение было отдано «венгерским», и они стали форменной одеждой русских солдат. Одновременно с армией Петр решил переодеть и городское население страны, издав 4 января 1700 г. указ, предписывающий мужскому населению, исключая духовенство и крестьян, «на Москве и в городах... носить платье венгерское». ⁴

Современник Петра, московский дьяк Желябужский упоминает указ от 26 августа 1700 г. о «платье Французском и Венгерском», который иллюстрировали повешенные у столичных ворот «Чючелы, сиречь образцы платью». ⁵ В декабре 1701 г. появился следующий указ, обязывавший носить «платье Немецкое, Саксонское и Французское». ⁶ В этом узаконении «венгерское платье» уже не упоминалось, что очевидно, означало постепенный отказ от его употребления как в армии, так и среди гражданского населения.

Год спустя, после взятия Нотебурга, Петр решил еще более европеизировать внешность своих отборных солдат. Из действующей армии в столицу было послано распоряжение о приготовлении пятисот комплектов нового обмундирования для Преображенского и Семеновского полков. ⁷ 4 декабря 1702 г. по улицам Москвы торжественно промаршировал «...Его Величества Преображенский полк, числом 400 человек, одетых в Немецкие кафтаны из зеленого сукна, с красными отворотами и в шляпах, обшитых серебряным белым галуном... За тем следовал отряд Семеновского полка, также гвардии Его Величества, одетых в голубые кафтаны с красными отворотами». ⁸

Полностью переодевание гвардии в «немецкие» мундиры завершилось в следующем, 1703 г. ⁹ С этого времени мундир западноевропейского образца становится неотъемлемой частью внешнего облика не только гвардейских, но и армейских полков. Все дальнейшее развитие предметов форменного костюма в России проходило в общеевропейском русле, подчиняясь тем же колебаниям моды, что и в Европе.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

С 1702 г. постоянным головным убором гвардейских фузилеров становятся шляпы. Они изготовлялись из шерсти или пуха, имели круглую или цилиндрическую тулью и поля шириною 13—16 см. Края их в 1702—1705 гг. обшивались белым, возможно серебряным, галуном. В 1706 г. для обшивки использовались сукна, в том числе от старых кафтанов. ¹⁰ Не исключено, что при этом каждая рота имела свой цвет обшивки. Этой же датой отмечено упоминание о том, что, «по обычаю», поля шляп в гвардии следует отгибать на три стороны, образуя треуголку. ¹¹ Судя по иконографическим памятникам, приблизительно до середины 1710-х гг. шляпные поля не притягивались вплотную к тулье, а просто отгибались вверх. До самого конца Северной войны в документах не встречается указаний о наличии на шляпах гвардейских фузилеров каких-либо украшений помимо галунной или суконной обшивки. По армейскому регламенту 1720 г. края полей подлежало обшивать белой тесьмой и, немного отступя, шнуром того же цвета. Известно, впрочем, распространялось ли это положение и на гвардию. В вещевой ведомости четвертой роты лейб-гвардии Семеновского полка 1722 г. в одной из позиций показаны в наличии 125 «шляп новых с кистями». ¹² Прокомментировать

Петр I. Портрет работы Л. Каравакка. Центральный военно-морской музей. Санкт-Петербург. Портрет условно датирован 1716 г. Мундир, изображенный на портрете, введенный в 1720 г., а также императорский жезл в правой руке Петра позволяют датировать портрет 1720-ми годами.

это наименование можно с помощью других свидетельств о головных уборах русской армии и флота того времени. Так, в 1723 г. армейским артиллеристам полагалась «шляпа черная с обшивкою шерстяною белою и с кистью».¹³ В 1729 г. рядовым армии и флота велено было «на шляпы кисти делать и галуном обшивать».¹⁴ Шляпы старого образца, т. е. существовавшие до 1732 г., со шнуром, кистями и пуговицами выданы были в январе 1734 г. солдатам морских полков.¹⁵ Все это позволяет утверждать, что на шляпах 1720-х гг. кисть была одна и крепилась, предположительно, слева, как бы над кокардой. На барельефах, выполненных Б. К. Растрелли в 1720-х гг. для неосуществленного Триумфального столпа, фузилеры изображены в шляпах с нашитой слева на месте кокарды пуговицей.

Унтер-офицерские шляпы имели, очевидно, соответствовавшую рангу обшивку из золотого или серебряного галуна. Поля офицерских шляп также обшивались металлическим позументом, а штаб-офицерские украшались еще и плюмажем. На изобразительных памятниках, начиная со второй половины 1710-х гг., встречаются изображения офицеров в шляпах с прикрепленным слева белым бантом-кокардой, официально утвержденным в качестве «Российского полевого знака» позднее — в 1731 г.¹⁶

Голландский путешественник Корнелий де Бруин, рассказывая о торжественном вступлении русской гвардии в Москву после Нотебургской виктории 4 декабря 1702 г., описывает солдат гренадерской роты Преображенского полка, «одетых в зеленые кафтаны, с красными отворотами, на немецкий покрой, за исключением шапок, обшитых медвежьим мехом, вместо шляп».¹⁷ Имеется еще целый ряд свидетельств о наличии в 1700-х гг. у преображенских гренадеров шапок с меховыми околышами.¹⁸ Последнее известное документальное упоминание о них относится к весне 1707 г., когда в Преображенский полк было получено «200 шапок гренадерских, верхки суконные красные, околыши медвежьи, исподы ярнковые красные и зеленые».¹⁹ Это скупое описание, сопоставленное с изображением гвардейских гренадеров, прислуживающих за столом на свадьбе Петра 19 февраля 1712 г., на гравюре А. Зубова, позволяет предположить, что преображенские гренадерки 1700-х гг. походили

Штаб-офицерский мундир л.-гв. Преображенского полка, принадлежащий Петру I. Государственный Исторический музей. Москва. Темно-зеленый с золотыми галунами мундир был введен для офицеров гвардии в 1720 г. Он просуществовал, с небольшими перерывами, до 1796 г., превратившись для России в своеобразный символ приверженности государственным идеям Петра Великого. Мундир дополнен позолоченным офицерским знаком образца 1698 г. и трехцветным офицерским шарфом, просуществовавшим в гвардии до 1741—1742 гг.

на австрийские и баварские рубежа XVII—XVIII вв. О том, как выглядели головные уборы гренадеров Семеновского полка до 1712 г., данных пока не обнаружено. Можно лишь предположить, что, по всей вероятности, они не отличались от преображенских.

2 марта 1712 г. А. Д. Меншикову из кабинетных сумм Его Величества было выплачено 2527 рублей «за гренадерские шапки, которые выписаны из Англии на преображенский и семеновский полки, а именно за 12 офицерских с серебряными гербами и с перьями, да за 400 солдатских с оловянными гербами».²⁰ Шапки благополучно прибыли в Архангельск, откуда и были доставлены в полки.²¹ Это первое свидетельство получения гвардейскими гренадерами шапок нового образца, широко известного благодаря «Историческому описанию одежды и вооружения Российских войск...». Они имели круглую кожаную тулью, снабженную двумя кожаными же козырьками. Передний крепился вертикально и украшался металлической (оловянной или серебряной) бляхой с двуглавым орлом, а второй, подобно назатыльнику шлема-шишака, прикрывал шею. Поверх этого козырька на тулье крепилась бляшка с государевым вензелем, прикрывавшая трубку, в которую вставлялся султан из страусовых перьев. Судя по картине «Полтавская баталия», написанной Л. Каравакком в 1718 г., этот султан состоял из рядовых из двух красных, а у офицеров — из трех белых перьев.

Впервые мысль о замене старых меховых гренадерок кожаными шишаками возникла у Петра еще в 1705 г., когда он писал английскому купцу А. Стейльсу в Архангельск: «Лейду скажи, чтоб выписал 150 таких кожаных шапок, какую он мне на образец одну дал; також чтоб х каждой приделаны были перья, как у старинных железных бывало, чему на память образец посылаю».²² Возможно, именно об этих шапках писал Петру год спустя подполковник Преображенского полка Марк фон Кирхен: «А шапки грендерские против старого образца мне кажется худо, и у дела солдат помешает».²³ То ли медлительность английских негоциантов, то ли авторитет фон Кирхена в вопросах обмундирования отодвинули на семь лет получение новых шапок гвардейскими гренадерами. Зато с 1712 г. кожаные гренадерки продержались на их головах без принципиальных конструктивных изменений до 1796 г., будучи единственным раз на короткое время заменены «митрами» прусского образца в 1762 г. при Петре III. Один из приближенных отца последнего, голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, оставил в своем знаменитом «Дневнике» прекрасное описание гвардейских гренадерок, виденных им впервые в 1721 г.: «Гренадеры носят шапки похожие на шлемы древних Римлян и имеющие вид касок; но они сделаны не из железа, а из толстой кожи и украшены сзади большим пером белого и красного цветов, что делает особенно хороший вид, когда их много вместе. Спереди на шляпах у них оловянный, а у офицеров серебряный герб России».²⁴

«Французские» мундирные кафтаны, введенные в гвардии в 1702 г., ничем не отличались от распространенного тогда по всей Европе типа мужской верхней одежды, известного как «жюстокор». В длину такой кафтан доставал до колен, сзади и в боках имел разрезы, причем последние оформлялись встречными складками от двух до четырех с каждой стороны разреза. Кафтан кроился приталенным, довольно плотно облегал верхнюю часть фигуры, расширялся к низу за счет боковых складок. Довольно просторные рукава, доходя до середины локтя, заканчивались широкими (ок. 20 см) отворотами-обшлагами, из-под которых выпускались манжеты и нижняя часть рукава рубашки. Спереди на полах делались карманные прорезы, закрывавшиеся клапанами разнообразной формы с петлями и пуговицами. В начале 1700-х гг. карманы располагались довольно низко — на уровне середины бедра, но к 1725 г. их стали делать на уровне талии. Застегивался кафтан на пуговицы и прорезные петли, располагавшиеся первоначально по всей длине борта, с одной или с двух сторон. С 1708 г. петли и пуговицы, числом 11—12, стали располагать до уровня пояса.²⁵ Кафтан мог иметь отложной воротник шириной около 5 см. Первые упоминания о наличии этой детали на мундирных кафтанах относятся к 1704 г.²⁶ Появление воротников на гвардейских мундирах впервые фиксируется под 1711 г.²⁷ При отсутствии воротника шейный вырез кафтана мог оформляться узенькой стоечкой высотой до 2 см. Основным материалом для «постройки» мундирных кафтанов служило сукно, причем гвардейские полки, как правило, получали тонкие импортные сукна. Изнутри кафтаны подшивались плотным холстом и подбивались цветной байкой, или «яренькой».²⁸

Пуговицы для кафтанов изготавливались из различных материалов — металла, кости, дерева — и нередко обтягивались сукном или металлическими галунами. Крепились пуговицы к кафтану тонким сыромятным ремешком, пропущенным с изнанки через их ушки, вставлявшиеся в специально пробитые для этого отверстия. Количество пуговиц на кафтане зависело от расположения застежки по борту. Так, например, в 1704 г. на кафтан артиллериста полагалось «2 портища 2 пуговицы» (портище — 12 шт.).²⁹ Драгунские кафтаны в 1706 г. имели по 30—36 пуговиц.³⁰ Летом 1709 г. на один солдатский кафтан Семеновского полка ставилось 26 пуговиц.³¹ По регламенту же 1720 г. на один мундирный кафтан полагалось 24 пуговицы.³² На обшлага и на каждый карманный клапан нашивалось обычно по три пуговицы, по одной на лифе в боковых разрезах, а остальные — по борту.

В 1702—1720 гг. оба гвардейских полка сохраняли присвоенные им еще с 1698 г. цвета мундиров — темно-зеленый («темно-крапивный») для Преображенского и синий («васильковый») для Семеновского. В 1702 г. с изменением покроя кафтаны гвардейцев получили красные обшлага и подбой, а с 1711 г. — воротники.

В 1720 г. семеновцы также получили темно-зеленые мундиры и с этого времени отличались от преображенцев лишь цветом воротников, ставших «васильковыми», как бы в память о первоначальном цвете полкового мундира.

Кафтаны гвардейских унтер-офицеров отличались от солдатских галунной отделкой. Содержащиеся в ведомостях Семеновского полка сведения о количестве выданного унтер-офицерам и капралам летом 1709 г. золотого и серебряного галуна позволяют предположить, что мундиры их украшались достаточно пышно.³³ На это могло идти от 6 до 12 м галуна, что, очевидно, определялось чином. Расположение галунной обшивки унтер-офицерских кафтанов помогает восстановить описание мундира Лейб-Компании императрицы Елизаветы Петровны. К крещенскому параду 1742 г. им были сшиты «кафтаны зеленые с розрезными малыми обшлагами, камзолы и штаны алые с обложенным по кафтану и камзолу по борту золотым позументом».³⁴ По свидетельству современников, обмундирование лейб-кампанцев «оказалось ничем иным как восстановлением формы учрежденной Императором Петром I для обер и унтер-офицеров гвардии».³⁵ В начале 1720-х гг. отделка унтер-офицерского мундира, очевидно, несколько упростилась. Очевидец Ф.-В. Берхгольц в описании гвардейского парада 1721 г. указывает, что у «унтер-офицеров отвороты и воротники (которые также разных цветов, смотря по полку) обшиты узким золотым галуном».³⁶

Мундиры офицеров в 1702—1720 гг., по имеющимся данным, не отличались по цвету от мундиров нижних чинов. В «Историческом описании...» без достаточного обоснования говорится о наличии в мундирах офицеров гвардии галунной обшивки «...на кафтане и камзоле, по борту и по краям обшлагов и карманных клапанов, — у боковых разрезов штанов и вокруг шляпных полей».³⁷ На всех достоверных «мундирных» портретах самого Петра до 1720 г. галунная отделка не показана. Нет ее и на мемориальном «Полтавском» мундире, хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже. Интересным исключением из иконографического ряда являются изображения Петра на трех батальных композициях П. Д. Мартена, заказанных царем во время его визита во Францию в 1717 г.³⁸ На них сам Петр и некоторые из окружающих его офицеров изображены в темно-зеленых кафтанах с красными обшлагами и подбоем, богато выложенных галунами по борту, карманным клапанам, обшлагам и всем швам. Известно, что Мартен в своей работе пользовался подробными описаниями и планами сражений, присланными заказчиком, который в 1717 г. мог, как лично, так и через приближенных, ознакомить художника с подробностями обмундирования русской армии времен Полтавы и Лесной. Наконец, Мартен мог просто наблюдать гвардейские мундиры на самом Петре и на лицах его свиты. Кафтаны с галунной отделкой, похожей на данную французским баталистом, изображены на офицерах гвардии в гравюрах П. Пи-

карта и А. Зубова, показывающих торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы и созданные в 1710—1711 гг. В документах имеется свидетельство о том, что 30 апреля 1705 г. из Кабинетных сумм было выдано 64 рубля 30 алтын за «ленты золотые (196 золотников) и пуговицы для капитанского кафтана» Петра.³⁹ 196 золотников могли включать от 15 до 30 метров золотого галуна, в зависимости от его ширины. Если выложить даже минимальное количество галуна на типичном мундире покроя 1700—1710-х гг. по мартевской схеме, то окажется, что его вполне достаточно. А если учесть, что наверняка не все галуны государева кафтана имели максимальную (около 6 см) ширину, то можно представить богатство расшивки. Естественно, что столь дорогой мундир являлся парадным, заменяясь на время походов и сражений «вседневным», подобным «Полтавскому» мундиру Петра. Это подтверждается и приказом, отданным по Семеновскому полку при пароле 4 июля 1709 г., через несколько дней после Полтавской победы: «Офицеры-б послали по кафтаны свои», — т. е. послали бы в обоз за парадными мундирами для предстоящих торжеств на поле битвы.⁴⁰ Первый своеобразный регламент парадного мундира содержался в Указе от 28 февраля 1702 г., предписывавшем «Генералам и Полковникам и иных чинов начальным людям» в праздничные и церемониальные дни «носить Французские суконные (кафтаны — С. Л.) с украшением золотым, а камзолы золотные ж».⁴¹ Руководствуясь этим предписанием, и отделяли свои парадные мундиры офицеры петровской эпохи. «Российский Генералитет был в преобогатом мундире, всюду видимо было золото и серебро, а конных полков на всех офицерах был мундир богатой и множества ради золотых и серебряных позументов мало где сукно виднелось, также и всех армейских полков Штаб и Обер-офицеры были в богатом мундире», — сообщает в «Дневнике военных действий Полтавской битвы» при рассказе о торжествах 29 июня 1709 г.⁴²

В 1720 г. все гвардейские офицеры получили одинаковые темно-зеленые однорядные кафтаны, имевшие застежку до пояса, небольшой отложной воротник, разрезные обшлага и срезанные тупым углом карманные клапаны. По борту, воротнику, обшлагам, карманным клапанам, в фалдах и по заднему разрезу офицерский мундирный кафтан образца 1720 г. обшивался в один ряд золотым галуном. Судя по портретам и одному из хранящихся в Государственном Историческом музее мундиров самого Петра, около этого времени устанавливается особый рисунок

Слева направо.
Мушкетер л.-гв. Семеновского полка 1702—1708 гг.

Гренадер л.-гв. Преображенского полка 1708—1712 гг.

Гобойст л.-гв. Преображенского полка 1706 г.
Ил. С. Летина.

гвардейского офицерского галуна — с продольными полосками в центре и зубчиками по краям, который, как и самый мундир, оставался неизменным, с небольшими перерывами, вплоть до 1796 г.

Сведения о мундире гвардейских музыкантов в 1702—1725 гг. крайне скудны. Датчанин Юст Юль, описывая вступление гвардии в Москву после Полтавы, упоминает «хор музыки из трубачей и литавристов в красивом убранстве».⁴³ То, что убранство было достаточно красивым, явствует из переписки Петра с подполковником фон Кирхеном за 1706 г. В одном из последних царь дает подробную инструкцию по оформлению музыкантских мундиров лейб-гвардии Преображенского полка: «Гаубистам (гобоистам — С. Л.) доволно петли обшить золотом, также на плечах полмесеца сделать и исказе голунами золотыми, а у барабанщиков на плечах полмесеца шерстеными голунами».⁴⁴ Из запросов Кирхена видно, что в гвардии не в диковинку было «строевое платье» музыкантов делать «с кружками серебряными или золотые, в одну или в два ряда».⁴⁵

КАМЗОЛ

Мундирный камзол петровского времени, повторяя в целом покроя кафтана, был на 6—10 см короче, не имел воротника, обшлагов и складок в боковых разрезах. Карманные клапаны на нем не отличались формой и конструкцией от карманных клапанов кафтана и располагались почти на том же уровне. Рукава камзола, вместо обшлагов, имели у запястья застежку на несколько пуговиц. Общее число пуговиц, необходимых для одного камзола, в разные годы было различным и зависело, так же как и у кафтана, от расположения застежки по борту. В 1704 г. их было «портище 10 пуговиц (22 — С. Л.)», в 1706 — 24, а в 1720 г. — 21 шт.⁴⁶ Подбой на солдатские камзолы ставился холщевый, тогда как офицерские, как правило, подбивались шелком.

В летнее время камзол мог служить верхней одеждой, т. е. носиться не под кафтаном, а вместо него. Так, на картине Л. Каравакка «Полтавская баталия» атакующие врага гвардейские grenадеры изображены в красных камзолах. Вообще красный цвет был для этого предмета гвардейского обмундирования неизменным начиная с 1702 г., что, впрочем, не касалось офицеров. Цвет их камзола зависел от возможностей и желания владельца; например, «Полтавский» камзол Петра — темно-зеленого сукна, а камзол grenадерского офицера на полотне Каравакка — красный, как и камзолы офицеров на картинах Мартена. С 1720 г. все гвардейские офицеры получили темно-зеленые камзолы, обложенные по борту

Слева направо.

Унтер-офицер л.-гв. Семеновского полка в парадной форме. 1709 г.

Обер-офицер grenадерской роты л.-гв. Преображенского полка в летней походной форме. 1712—1720 гг. Ил. С. Летина.

и карманным клапаном золотым галуном того же рисунка, что и на кафтанах.

ШТАНЫ

В 1702—1725 гг. форменные штаны были довольно просторными, имели спереди стяжной клапан — лацбант, а сзади стягивались по фигуре тесьмой или суконным ремешком с пряжкой, концы которого закреплялись в боковых швах. В длину они заходили под колено. Внизу на внешних швах они имели разрезы, которые стягивались ремешком или подвязкой и застегивались на несколько пуговиц. Шились штаны из сукна или кожи. Кожа, весьма популярная из-за своей практичности и дешевизны, особенно часто стала употребляться в гвардии с 1707 г., когда преобразенцы и семеновцы были посажены на коней. Суконные штаны солдат обоих полков были, как правило, красного цвета. Цвет офицерских штанов менялся, как и цвет камзолов, но с 1720 г. был закреплен темно-зеленый цвет. Подбивались штаны нижних чинов холстом, офицерские — шелком. Кроме того, офицерские штаны образца 1720 г. имели в боковых разрезах у колена обшивку из золотого мундирного галуна. О том, как украшались они до этого времени, можно только предполагать, основываясь на реконструкции парадного мундира 1702—1720 гг.

ЧУЛКИ

Чулки входили в петровское время в обязательный комплект обмундирования всех родов войск. Солдаты гвардии в 1702 г. получили чулки красного цвета.⁴⁷ Неизвестно, как долго этот цвет сохранялся; так, на картине Каравакка grenадеры гвардии показаны уже в белых чулках. Очевидно, перемена произошла где-то в начале или середине 1710-х гг. Судя по иконографическим источникам, чулки носились поверх штанов и подвязывались под коленом. Согласно Регламенту 1720 г. солдатам полевых пехотных полков полагалось в год по две пары чулок.⁴⁸

Чулки гвардейских офицеров выполнялись из различных материалов. Цвет их также, очевидно, не регламентировался. Так, например, чулки Петра, входившие в «Полтавский» комплект, были зелеными. В описи имущества А. Д. Меншикова, датированной 1715 г., приведен целый список различных чулок, дающий приблизительное представление о разнообразии этого предмета офицерского гардероба: «Четыре пары чулков валеных розных цветов / Трои чулки валеные бобровые дикого цвету / Трои чулки красные шелковые шиты золотом / Две пары чулков гарусных одне шиты золотом другие серебром / Три пары чулков гарусных розного цвету».⁴⁹

ОБУВЬ

Основным видом обуви гвардейской пехоты в петровскую эпоху служили башмаки. Из прочной грубой кожи, башмаки были на довольно толстой кожаной по-

дошве и средней высоты каблуке. Тупоносые, они почти закрывали щиколотку и застегивались спереди, поверх длинного кожаного язычка (иногда отгибавшегося вперед), с помощью ремешков с пряжкой. В декабре 1711 г. Петром повелено было «заготовленные для солдат к башмакам пряжки не посылать в армию; ибо... ныне везде в других Государствах вместо пряжек употребляют ремешки».⁵⁰

Офицерские башмаки конструкцией никак не отличались от солдатских, хотя Указ 1711 г. о пряжках на них, очевидно, не распространялся. По крайней мере, на башмаках «Восковой персоны» Петра имеются стальные пряжки. Офицеры часто носили башмаки в сочетании с крагами или штиблетами. Внешне они напоминали ботфорты, но «строились» из более мягкой кожи и имели на внешней стороне голенища разрез, застегивавшийся при помощи пуговиц или вертикальной стальной планки с петлей и крючком. К низу голенища пришиты были кожаный козырек, закрывавший пряжку башмака, и штрипка, которая охватывала башмак снизу и застегивалась на пуговицу или крючок с внешней стороны штиблета. Хранящиеся в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи штиблеты самого Петра в сочетании с достаточно обширным иконографическим материалом дают прекрасное представление как о конструкции, так и о степени распространения этого вида обуви. Документы того времени сохранили сведения и о том, во сколько, приблизительно, обходилась офицеру гвардии его обувь. Так, заказанные в апреле 1705 г. «башмаки, туфли, штивени (штиблеты — С. Л.)» для Петра стоили 3 руб. 6 алтын и 4 деньги, а в июне 1709 г. «на дело штивелет полковничьих» было отпущено 2 рубля.⁵¹

С 1707 г. в комплект обуви гвардейцев стали входить кавалерийские сапоги-ботфорты. Они изготовлялись из грубой кожи, имели толстую подошву, относительно мягкую головку и почти негнущиеся голенища, завершавшиеся широкими кожаными раструбами. Для управления конем к сапогам при помощи кожаного клапана (нашпорника) и штрипки крепились железные шпоры, опиравшиеся сзади на специально пришитый запятыш из согнутой пополам кожаной полоски. Для дальних походов в холодное время года пехотным солдатам также выдавались сапоги, отличавшиеся от кавалерийских отсутствием раструбов и более мягким голенищем. Срок службы пары солдатских сапог или башмаков Регламентом 1720 г. определялся в полгода, по истечении которого они подлежали замене.⁵²

ЕПАНЧА

Этот вид верхней одежды первой четверти XVIII в. имел две разновидности. Первая представляла собой круглый плащ без рукавов длиной до середины икр с широким отложным воротником, застегивавшийся у шеи на пуговицу или крючок. Епанча такого типа являлась регламентированной верхней строевой одеждой

Камзол. 1702—1708 гг.

«Епанча с рукавами». Первая четверть XVIII в.

Кафтан парадного мундира офицеров гвардии. 1702—1720 гг.

Штаны. Первая четверть XVIII в.

Чулки. Первая четверть XVIII в.

Башмаки. Первая четверть XVIII в.
Ил. С. Легина.

Шапка гвардейских гренадеров. 1712—1725 гг.

Налобник шапки офицера гвардейских гренадеров. 1712—1725 гг.

Кафтан. 1708—1725 гг.

Камзол. 1708—1725 гг.

Епанча. Первая четверть XVIII в.

Шляпа гвардейских мушкетеров. 1720—1731 гг.

Ил. С. Легина.

дой нижних чинов русской армии петровского времени и в этом качестве прослужила до конца XVIII в., когда Павел заменил ее шинелью. Уже современники Петра обращали внимание на неудобство этого одеяния для несения строевой службы. В донесении генерала Глебова Военной Коллегии на этот счет приводилось следующее: «Если солдату, во время дождя положить пола на полу, то руками ничего свободно действовать не можно, а особливо кавалеристам и лошадей править не удобно».⁵³

Солдатские епанчи Преображенского и Семеновского полков были темно-зеленого и темно-василькового цвета соответственно. Первое указание на это различие встречается под 1711 г.⁵⁴ Оно сохранилось и после того, как в 1720 г. Семеновцы поменяли цвет мундира, о чем имеется свидетельство Ф.-В. Берхгольца.⁵⁵

Другая разновидность епанчи, напоминавшая европейский редингот, имела рукава с широкими обшлагами, двойной воротник и застегивалась на пуговицы, располагавшиеся от края верхнего воротника до середины бедра. Сзади имелся необходимый для верховой езды разрез. Такие епанчи явно были принадлежностью офицерского гардероба, так как в описываемое время в ведомостях солдатских мундирных вещей они не встречаются. Впрочем, судя по дошедшему до нас гардеробу самого Петра, офицеры могли употреблять и ту, и другую разновидность епанчи, в первом случае обшивая ее, для отличия от солдат, по борту и воротнику позументом.⁵⁶ Встречаются неоднократные указания на то, что офицерские епанчи могли иметь меховой подбой.⁵⁷

¹ Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Т. I. СПб., 1900. С. 205 (далее — Бобровский).

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1950. С. 612.

³ Бобровский. С. 343.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. № 1741 (далее — ПСЗРИ).

⁵ Желябужский И. А. Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 168.

⁶ ПСЗРИ. Т. 4. № 1887.

⁷ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 444—446 (далее — ПБПВ).

⁸ Путешествие Корнелия де Бруина через Московию // Чтения в Обществе истории и древностей российских. [Б. м.] 1872. С. 102—103.

⁹ ПБПВ. Т. 2. С. 248. № 586.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 1811—1813.

¹¹ Там же. С. 432.

¹² Карцов. История Л.-Гв. Семеновского полка. 1683—1854. Т. I. СПб., 1852. Приложения. С. 36—37.

¹³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 3. Д. 113. Л. 50.

¹⁴ Материалы для истории русского флота. Т. 5. СПб., 1875. С. 780 (далее — МИРФ).

Обер-офицер Л.-гв. Преображенского полка 1704—1712 гг.

- 15 МИРФ. Ч. 7. С. 661.
 16 ПСЗРИ. Т. 43. С. 120. № 5836.
 П. 2.
 17 См. примеч. (8).
 18 *Гизен*. Журнал Государя Петра I с 1695 по 1709. Ч. 1—3//Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Федора Туманского. Ч. III. СПб., 1787. С. 370.
 19 ПБПВ. Т. 5. С. 587.
 20 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704—1904. СПб., 1911. С. 198 (далее — 200-летие Кабинета).
 21 *Бобровский*. Т. 2. Приложения. С. 18.
 22 ПБПВ. Т. 3. СПб., 1893. С. 455.
 23 ПБПВ. Т. 4. СПб., 1900. С. 1811.
 24 *Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца*. 1721—1725. М., 1902. Ч. 1 и 2. С. 31—32.
 25 *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... Изд. 2-е. М., 1837. Т. 3. С. 289 (далее — *Голиков*).
 26 Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 704—705.
 27 Доклады и приговоры Сената. Т. I. СПб., 1880. С. 423. № 582.
 28 Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 313 (Федорова). Д. 24 (Письма Меншикова с 1704 по 1713 г.). Л. 34об.; Шукинский сборник. Вып. 4. М., 1905. С. 403.
 29 См. примеч. (26).
 30 *Вольнский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. 1 (1698—1706). СПб., 1912. Кн. 3. С. 415—416; Кн. 4. Приложения. С. 546—547.
 31 Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 125.
 32 ПСЗРИ. Т. 43. С. 116. Табл. к № 5836.
 33 Архив князя Ф. А. Куракина. С. 117—118.
 34 История Кавалергардов. СПб., 1851. Приложения. С. X.
 35 Сборник Русского Исторического общества. Т. VI. СПб., 1871. С. 391.
 36 См. примеч. (24).
 37 Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. 2. СПб., 1899. С. 21—22.
 38 В настоящее время две композиции П. Д. Мартена — «Битва при Лесной» и «Полтавская битва» находятся в коллекции Екатерининского дворца-музея г. Пушкина. Выполненные тем же художником на основе живописных полотен большие картоны для шпалер с изображением боя под Полтавой находятся в Гос. Третьяковской галерее и в Музее Полтавской битвы в г. Полтава. Кроме того, выполненная в XIX в. копия с «Битвы при Лесной» имеется в собрании Гос. Эрмитажа.
 39 200-летие Кабинета. С. 185.
 40 Архив князя Ф. А. Куракина. С. 126.
 41 ПСЗРИ. № 1898.

42 Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. III. СПб., 1909. С. 294.

- 43 *Юст Юль*. Записки // Русский Архив. 1892. № 5. С. 51.
 44 ПБПВ. Т. 4. С. 432.
 45 Там же. С. 1813.
 46 См. примеч. (29), (30) и (32).
 47 ПБПВ. Т. 2. С. 446.
 48 ПСЗРИ. Т. 43. С. 123.
 49 Шукинский сборник. С. 445.
 50 *Голиков*. Т. 5. С. 32.
 51 См. примеч. (39).
 52 См. примеч. (48).
 53 *Григорович А.* История 37-го драгунского Военного Ордена Генерал-Фельдмаршала графа Миниха полка. Т. I. СПб., 1907. С. 10.
 54 См. примеч. (27).
 55 См. примеч. (24).
 56 *Моисеенко Е. Ю.* Описание гардероба А. Д. Меншикова: К истории мужского костюма первой четверти XVIII в. в России // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 98—99, 108.
 57 Шукинский сборник. С. 403.

К иллюстрации на стр. 20—21.

Возвратившись из путешествия по Европе в составе «Великого посольства», Петр I 27 августа 1698 г. «...смотрел на воинские упражнения своих полков; как только он убедился, насколько далеки эти полчища от настоящих воинов, он показывал им различные жесты и движения на самом себе, уча наклонением собственного тела какую телесную выправку должны стараться иметь эти беспорядочные массы». Со свойственной ему энергией и нетерпеливостью Петр принялся за приведение своих отборных полков в надлежащий порядок, как в строевом образе, так и во внешнем виде. Для улучшения последнего с осени 1698 г. в качестве единого для солдат и офицеров обмундирования вводятся так называемые «венгерские» кафтаны. К началу 1699 г. переобмундирование было завершено, так как по свидетельству И. Г. Корби, солдаты Преображенского, Семеновского и Бутырского полков предстали в новой одежде уже во время крещенского праздника 15 января 1699 г. Документы свидетельствуют об изготовлении «венгерских» мундиров с осени 1698 по декабрь 1701 г. Прекрасное описание мундира преобразенцев этого времени дает австрийский дипломат О. Плейер, рассказывая о празднике Крещения 1700 г., на котором они были «в темно-зеленых кафтанах с красными сапогами и шапками; офицеры все также в темно-зеленых венгерских кафтанах на меху с золотыми петлицами и пуговицами». Начиная в 1699 г. создавать новую регулярную армию для предполагавшейся кампании против шведов, Петр использовал уже имевшийся в гвардии «венгерский» мундир в качестве образца для одежды солдат

новоприборных полков. Головной убор солдат и офицеров гвардии и армии в 1698—1702 гг. представлял собой шапку-коллак восточноевропейского типа. Шапки рядовых изготовлялись из «курпея» (род смушки — С. Л.), а офицерские — из более дорогих мехов — бобрового, лисьего и т. п. Верх шапки покрывался красным сукном или бархатом. Гренадеры, предположительно, носили головные уборы в виде расширяющегося вверх мехового цилиндра. Мундирный кафтан, шившийся по образцу венгерского доломана, был довольно коротким (ок. 1 м длиной), сильно расширялся к низу, образуя в боках ряд складок, и имел облегающие рукава (ок. 70 см длиной) с так называемыми «польскими» обшлагами, застегивавшимися у запястья на несколько пуговиц. Отвернутые клапаны рукава (как правило, другого цвета) пристегивались на пришитую немного ниже локтя пуговку. По борту, от ворота до талии располагалась застежка из круглых пуговиц и накидных петель с расположенными по обоим бортам горизонтальными петлицами (так называемой «нашивкой») из металлического шнура и галуна. В холодное время года кафтаны подбивались мехом. Носились они поверх исподнего кафтана, имевшего такой же покрой, но более скромную отделку. Солдаты Преображенского и Семеновского полков имели, соответственно, темно-зеленые и синие мундиры, украшенные серебряными шнурами и пуговицами. Унтер-офицеры обоих полков отличались от рядовых лишь богатством серебряной отделки. Гвардейские офицеры имели кафтаны, украшенные золотом. В датированной январем 1709 г. описи гардероба А. Д. Меншикова, бывшего в начале 1700-х гг. обер-офицером Преображенского полка, приводится следующее описание: «Кафтан суконной темнозеленой венгерской петли накладные с кистями золото с серебром пуговицы плетены золото с серебром кругом кафтана и по швам искладено позументом золотым без потклатки». Штаб-офицерские кафтаны, по свидетельству документов, отделялись еще богаче. В качестве знака различия для офицеров гвардии с 1698 г. были введены шейные знаки в виде полумесяца с усеченными концами, — для обер-офицеров — серебряные, а для штаб-офицеров — золотые. В центре находилось изображение креста Св. Андрея Первозванного. В 1701 г. в память героизма, проявленного в неудачном бою под Нарвой 1700 г. обер-офицерам гвардии на знаки была пожалована надпись с указанием даты сражения: «1700. 19 N». Более подробно об обмундировании и снаряжении русской армии в начале Северной войны мы расскажем в одном из следующих номеров журнала.

ПОЛТАВСКАЯ РЕГАЛИЯ

(из неопубликованной работы «Жалованные литавры»)

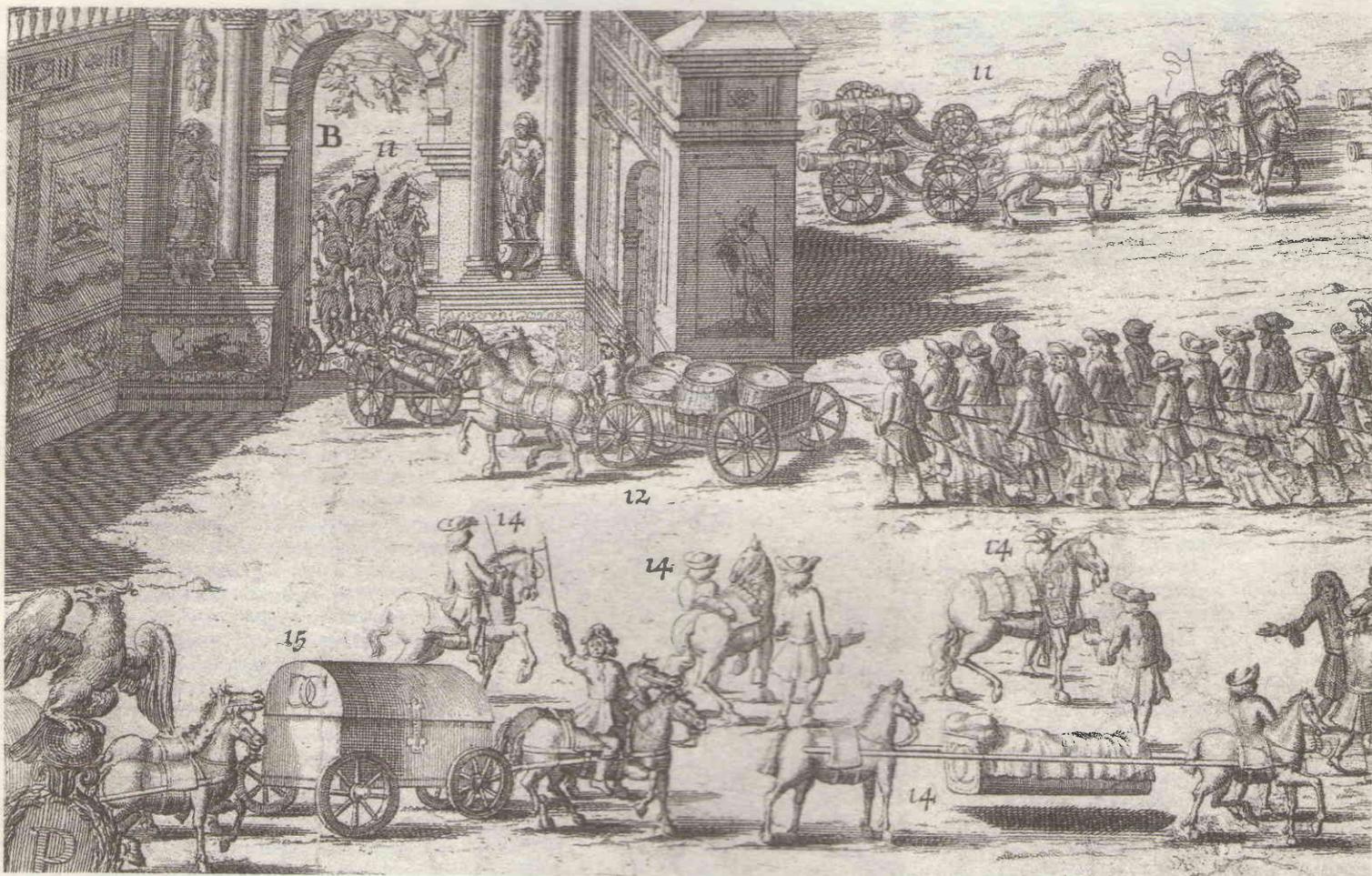
Старинная русская наградная система настолько многообразна, что включает в себя предметы, казалось бы, никак не могущие служить наградами. К таким необыкновенным видам награждений относится пожалование литавр — парных музыкальных инструментов в виде громоздких металлических котлов, затянутых кожаной мембраной. Литавры ведут свою родословную от древнеперсидских прообразов и употреблялись на Руси еще в XVI—XVII вв. преимущественно в ино-

земных конных полках в качестве обычных музыкальных инструментов, а с устройством регулярной кавалерии стали штатными строевыми предметами.

Если самые ранние жалованные литавры в русских вооруженных силах с конца XVI в. отмечаются в составе гетманских клейнодов¹ Малороссийского казачьего войска² (в том числе и в Запорожском его коше³), то первый случай пожалования таких регалий за боевые отличия восходит ко временам Великой Се-

верной войны 1700—1721 гг., ведет начало от аналогичного шведского награждения и, на наш взгляд, имеет некоторую преемственную связь с предшествовавшими клейнодными пожалованиями.

9 июля 1702 г. в сражении у польского селения Клишов шведская армия короля Карла XII наголову разгромила малобоеспособные соединенные польско-саксонские силы под предводительством короля Польши Августа II. Решающую роль в битве сыграла кавалерийская атака швед-

Торжественное вступление русской армии в Москву 21 декабря 1709 г. после Полтавской победы. Фрагмент «Перевозка литавр». Гравюра работы П. Пикарта. 1711 г. Военно-исторический музей А. В. Суворова. Санкт-Петербург.

Традиция воинских триумфов, установленная Петром еще со времен победоносных Азовских походов 1695—1696 гг., продолжала существо-

вать на всем протяжении Северной войны. Полтавский триумф, ввиду значительности одержанной победы, занял в этом ряду особое место. Открывал шествие лейб-гвардии Семеновский полк в конном строю. За ним везли артиллерийские трофеи, захваченные знамена и везли пленных шведских офицеров. Далее следовала верхом рота лейб-гвардии Преображенского полка, за которой снова везли пленных офицеров и унтер-офицеров шведской армии, везли

еще одну партию артиллерийских трофеев, а также знамена и литавры шведской армии, взятые под Полтавой. За ними шли шведские штаб-офицеры и генералы, королевский двор и канцелярия. Следом вели пленных генералов, за которыми следовал сам Петр в сопровождении высших командиров русской армии. Замыкали шествие лейб-гвардии Преображенский полк в конном строю и многочисленные возы с трофейной амуницией.

Полтавская баталия 27 июня 1709 г. Раскрашенная гравюра работы Н. Лармессена по рисунку П. Д. Мартена-младшего. 1720-е гг. Военно-исторический музей А. В. Суворова. Санкт-Петербург. Изображен заключительный этап Полтавского сражения — контратака русской армии, возглавленная самим Петром. На вздыбленном коне, в парадном Преображенском мундире царь в сопровождении офицеров свиты и драбантов устремляется на шведов. В глубине гравюры подробно изображен сам бой.

ской гвардии, возглавленная самим королем Карлом. В память об этом боевом эпизоде отличившемуся Лейб-Регименту были пожалованы особенные серебряные литавры с украшениями винтов в виде зверообразных химерических масок, залатанными серебряными пластинами пробоинами корпусов (три заплаты на одной и четыре — на другой) и с гравированной латинской памятной надписью на одной из заплат. Учитывая неточности в орфографии и условные сокращения, надпись может быть переведена так: «За славную победу Великого Короля Шведского Карла XII над Поляками, Саксонцами, Татарами, Валахами и другими чужеземными народами под Клишовым в Польше. 1702».⁴

Судя по традиции Речи Посполитой конца XVI в. (короли которой жаловали такие регалии малороссийским гетманам), в Европе уже более ста лет литавры были известны как клейноды высших военных предводителей, и подобное шведское пожалование 1702 г. не только оригинальным образом запечатлеvalo ратные заслуги собственного королевского конного полка, но и становилось боевым клейнодом его венценосного вождя...

Такая же, как под Клишовым, «...славная победа... над чужеземными народами...» отнюдь не воссияла шведскому оружию семь лет спустя на Полтавском поле. В знаменитой баталии 27 июня 1709 г. серебряные жалованные литавры шведского Лейб-Регимента попали в обширное число русских трофеев.⁵ «Изустным» повелением царя Петра Алексеевича в знак отличия в сражении и с явным традиционным смыслом полководческого клейнода предводителя они были пожалованы генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикову Генеральному, или Лейб-шквдрону — предку Конной Гвардии — явив тем самым едва ли не единственный случай превращения неприятельского трофея в боевую награду

«викторианцев». От такого пожалования последовало предание о том, что и захвачены в сражении эти литавры были дальним предшественником лейб-гвардии Конного полка.⁶ На самом же деле знамена, серебряные литавры шведского Лейб-Регимента и носилки короля Карла «на оной генеральной баталии Полтавской» взял Киевский драгунский полк, что бесспорно подтверждается «сказками» чинов полка, введенными в научный оборот еще к двухсотлетию юбилею Полтавской битвы.⁷

Награждение же не причастного к взятию трофея Лейб-шквдрона, дума-

Литаврищик лейб-гвардии Конного полка. Мاستичная фигура скульптора Гаузенберга. Вторая половина XIX в. ВИМАИВ и ВС.

ется, особенно оттеняет клейнодный характер пожалования, о чем, правда, было уже совершенно забыто к 1721 г., когда Лейб-шквдрон поступил на формирование Кроншлотского драгунского полка, передав последнему в качестве боевой регалии и некогда пожалованные трофейные литавры. В этом полку они сохранялись в прежнем статусе и после переименования его в 1725 г. в новый русский Лейб-Регимент.

При реорганизации в 1730 г. этой привилегированной армейской кавалерийской части в Конную Гвардию по поводу старых литавр возникла переписка, из которой следует, что значение старинных регалий было уже тогда начисто забыто. Так, обер-кригс-комиссар И. Савельев доносил, что они «...показаны годными, а сроки минули, а откуда даны и какие именно, в котором году, месяца и числа того не показано, также в полку строением тем литаврам по ведомостям не написано, а от мундирной канторы дач не было...»⁸

Таким образом, от непонятных старых предметов поспешили избавиться, и «литавр негодных одна пара»⁹ была сдана в полковой арсенал с последующим помещением на почетное хранение в петровской дворцовой Преображенской церкви подстоличной мызы Стрельна, где они дополнили число хранившихся там подобных реликвий Северной войны.¹⁰ Здесь эти первые пожалованные за боевое отличие литавры были забыты без малого на сто лет...

Однако в 1827 г. император Николай I, вероятно случайно, интересуясь древностями стрельнинской церкви, узнал и об этих старинных шведских литаврах Конной Гвардии. 4 июля 1827 г. Высочайше повелено было взять их в полк для употребления вместо прежних литавр анненского пожалования 1731 г.¹¹ Судьба последних неизвестна, тогда как полтавские трофейные регалии с заменой лишь мембран и натяжных винтов прослужили

в лейб-гвардии Конном полку до 1917 г., сохраняясь вместе со штандартами в Зимнем дворце во время нахождения полка в столице, и в иных подстоличных императорских резиденциях — во время загородных стоянок. Эти литавры, покрытые завесами, запечатлены художником Э. П. Гау на акварельном интерьере Дубового кабинета императора Петра I Большого Петергофского дворца середины XIX в.¹²

После Октябрьской революции и упразднения Конной Гвардии эти старинные литавры остались по месту постоянного хранения и, таким образом, оказались в составе национализированных коллекций Государственного Эрмитажа. В 1932 г. они в числе многочисленных непрофильных экспонатов военно-исторического характера были переданы Военному Историко-бытовому музею, при слиянии фонда которого с Артиллерийским музеем в 1937 г., поступили в собрание последнего,¹² а в 1950 г., опять же как «непрофильные экспонаты», были почему-то переданы в возрождаемый музей А. В. Суворова¹⁴ в Ленинграде, где хранятся и поныне.

В 1970-е гг. в Суворовском музее существовал проект помещения их в качестве одного из самых ценных доминирующих подлинных экспонатов-реликвий в музее Полтавской битвы, который предполагалось создать в здании Сампсониевского собора на Выборгской стороне в Ленинграде. Однако затянувшаяся сложная реставрация храма, помноженная на межведомственную рознь, отодвинули эту идею на весьма неопределенный срок.

Из двадцати семи (в том числе и легендарных) упоминаний случаев о пожаловании войскам литавр в России с 1576 по 1884 г. сохранились донны лишь три и подлинные пары этих наград.¹⁵

Первые таковые знаки монаршей милости, пожалованные за боевое отличие, представляются в этом ряду наиболее исторически ценными. Как реликвии славного Полтавского дела, на сложном своем пути из седой старины в наши дни, они являют пример переплетения клейнодного и наградного направлений истории этих необычных кавалерийских регалий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клейнод (от нем. Kleinod и польск. klejnot — драгоценность, драгоценный предмет) — регалии, являвшиеся войсковыми знаками отличия. Клейноды составляли знамя (хоругвь), бунчуки, булава и ее разновидности, литавры, трубы, барабаны, войсковая печать.

² Об этом см. подробнее: *Грабянка Г.* Летопись. Киев, 1854. С. 21; *М. П. Х.* (Хорошихин М. П.). Клейнод // Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1889. Т. IV. С. 272; *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России. СПб.; Киев; Харьков, 1903. С. 454.

³ Об этом, в частности, см. подробнее: *М. П. Х.* Указ. соч.; Клейноды // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 21. С. 404; *Зварницкий Д. И.* История Запорожских казаков. М., 1900. Т. 1. С. 299, 300; *Величко С.* Летопись событий

Литавры. Современный вид. Музей А. В. Суворова.

Фрагмент литавры, цапка под крепление боевой кожи в виде морды льва.

Фрагмент литавры с заплаткой и мемориальной надписью.

в юго-западной России в XVII в. Киев, 1846. С. 51—52; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1885. Т. XIII. Стб. 507, 49, 117.

⁴ Неточно опубликована: *Шенк В. К.* Императорская гвардия. СПб., 1910. С. 128; см. также: *Николаев.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1898. Т. 1. С. 232.

⁵ «Одни литавры серебряные от лейб-регимента коннаго». (См.: «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве от 09.07.1709 // Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 264. № 3297).

⁶ Историограф конногвардейцев захватившим эти литавры ошибочно называет старый (на 1709 г.) русский Лейб-Регимент — предшественник 1-го уланского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка (См.: *Анненков.* История Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. Ч. 1. С. 311). Приказ по Военному ведомству № 24 от 5 февраля 1886 г. безо всяких оснований назвал эти регалии полученными при капитуляции шведской армии у Переволочны 29 июня 1709 г. (См.: Росписание частей войск гвардии с показанием их старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены // Пр. по Воен. вед. № 24 от 05.02.1886. Прил. С. 28). Оттуда такие сведения перекочевали и в официальную справочную книжку Императорской Главной Квартиры (*Шенк В. К.* Указ. соч. С. 128).

Автор единственной специальной статьи о жалованных литаврах соединил воедино обе эти ошибки (См.: *Менский К.* (Каменский Е. С.). Литавры в русской армии // Разведчик. 1898. № 393. С. 379). Наиболее осторожны и для своего времени точны сведения: *Штакельберг К.* Полтора века Конной Гвардии. 1730—1880. СПб., 1881. С. 69.

⁷ П—в. (? Поликарпов П.). О войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 г. Кавалерийские полки // Военный сборник. 1909. № 5. С. 244—245. Первым в СССР публикатором истории конногвардейских литавр был старший научный сотрудник Государственного Военно-исторического музея А. В. Суворова Г. В. Круглов (См.: *Круглов Г.* История серебряных литавр // Вечерний Ленинград. 1979. № 130).

⁸ Цит. по: *Николаев.* Указ. соч. 1899. Т. II. С. 146.

⁹ Там же. С. 147.

¹⁰ Упомянуты хранящимися там, но почему-то — как «подаренные Конной Гвардии Императрицею Елисаветою»: *Свиньин П.* Стрельна // Сын Отечества. 1818. № 3. С. 92—93; *Ардикуца В. Е.* Стрельна. Л., 1967. С. 53.

¹¹ *Анненков.* Указ. соч. С. 28, 312; *Николаев.* Указ. соч. 1899. Т. II. С. 146—147.

¹² *Знаменов В.* Петродворец: Акварели XIX века: набор открыток. [Б. м.], 1988. (№ 3).

¹³ Акт на музейное имущество, принятое из Эрмитажа 31.01.32. Ч. 1. Поз. 724 // Документальный фонд ВИМАИВ и ВС. Ф. 1р. Оп. 1. Д. 5. Л. 256. Инв. № 16/116 (а-б).

¹⁴ Разрешение Академии Артиллерийских наук № 844/3859 от 09.12.50. Инв. № МС-646; МС-648.

¹⁵ Лейб-гвардии Конного полка (шведские трофейные 1709 г.) — Суворовский музей; Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка (гетманские малороссийские 1751 г.) — ВИМАИВ и ВС; Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка (пожалования полку 1764 г.) — Гатчинский дворец-музей (временно — в Павловске).

ПЕХОТА ШВЕДСКОЙ АРМИИ КАРЛА XII ПОД ПОЛТАВОЙ

I. СИСТЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ

По своему составу армия Карла XII не была однородной, что объяснялось применением в Швеции двух различных систем комплектования: поземельной воинской повинности, так называемой «системы индельты» (indelningsverket), и вербовки наемных солдат.

В отличие от других западноевропейских армий, которые почти целиком состояли из наемников, большую и лучшую часть шведской армии, в том числе почти всю пехоту, составляли постоянные войска индельты, придававшие ей ярко выраженный национальный характер.

Система индельты вводилась в Швеции постепенно. Зародилась она еще в XVI в., в годы правления Густава I Вазы (1523—1550), когда впервые начали проводиться наборы рекрутов в королевскую армию из различных провинций (ленов) страны. Важную роль в формировании сильной шведской регулярной армии сыграл великий полководец Тридцатилетней войны, король Густав II Адольф (1611—1632), а при его преемнице — королеве Христине (1632—1654) — особым государственным законом в 1634 г. были созданы постоянные пехотные полки: 20 — в Швеции и 7 — в Финляндии. Набирались они из рекрутов строго определенных ленов, названия которых носили.

Окончательное оформление система индельты получила при Карле XI (1660—1697), который в 1680—1696 гг. осуществил военную реформу, получившую название «молодой индельты».

Сущность военной реформы Карла XI заключалась в замене периодических рекрутских наборов постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска. Все обрабатываемые земли в государстве были разделены на участки, названные «индельтами». Крестьянские дворы, составлявшие каждую индельту, обязаны были выставить одного солдата. Индельта предоставляла ему земельный надел («торп»), дом, обмундирование, а также дополнительные продукты. Оружие и снаряжение солдату выдавалось государством. Индельта, в которую объединялись крестьянские дворы, обязанные выставить и содержать одного пехотинца, называлась «роте» (rote) или «ротехолл» (rotehäll), а составлявшие ее крестьяне-землевладельцы — «ротехолларами» (rotehällarna). Унтер-офицерам и офицерам жалование также выплачивалось группой дворов, закрепленных за ними. Последние прожива-

ли в той же местности на выделенных им усадьбах, где для каждого был построен стандартный, соответствующий чину, дом, называемый «бостель» (boställ).

Полк носил название того лена, в котором формировался и квартировал, например Вестманландский пехотный полк — из лена Вестманланд и т. д.; внутри полка солдаты распределялись на роты (комраплет), которые сводились в батальоны. Солдаты раз в год созывались на учебные сборы, поддерживая тем самым свою боеготовность. В случае ухода солдата на войну индельта на его место выставляла нового, который служил как бы пополнением для служившего в постоянном полку. В случае ухода на войну и этого солдата индельта могла выставить нового рекрута; из таких рекрутов могли при необходимости формироваться полки

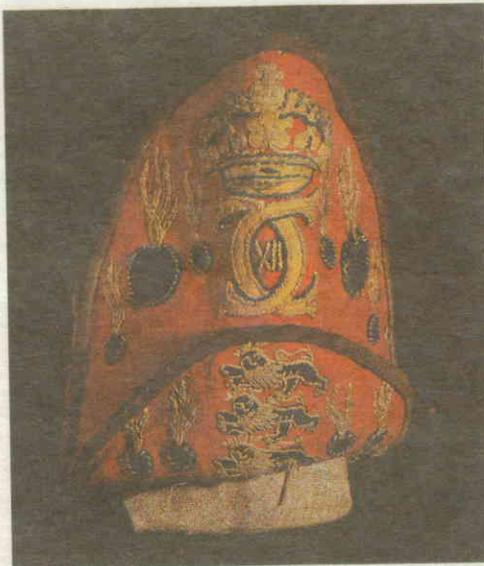
военного времени, так называемые «третьеочередные» (tremänningsregementen), носившие обычно имя своего шефа (например, Упландский третьеочередной пехотный полк, шефом которого в 1700—1712 гг. был граф А. Л. Левенгаупт, назывался просто «полком Левенгаупта»). Четвертая очередь рекрутов шла на пополнение постоянного полка (вместо погибших или пропавших солдат второй очереди), а из рекрутов пятой очереди, в крайнем случае, также могли формироваться временные полки — пятиочередные (femmänningsregementen). Таким образом, благодаря системе индельты в Швеции вместо малочисленной наемной армии была создана многочисленная, национальная по составу армия, организованная по типу поселенных войск.

В 1709 г. под Полтавой отборные полки индельты составляли основную силу «главной армии» (huvudarmén) Карла XII; это были все пехотные полки, за исключением Лейб-гвардии.

Наряду с войсками индельты и сословными частями, в шведской армии продолжали сохраняться вербованные или наемные войска. Они также делились на две разнородные части — постоянные (находившиеся на содержании государства и в мирное время) и временные (вербуемые только в период войны, а затем отпускаемые). Собственно в Швеции вербовался только Лейб-гвардейский пеший полк (Lifgardet till fot), состоявший из отборных людей, набранных во всех областях страны и хорошо оплачиваемых из королевской казны. Эта постоянная часть являлась одновременно и своеобразной школой кадров, так как многие служившие в ней рядовые и унтер-офицеры затем становились офицерами в армейских полках. При Карле XII через Лейб-гвардейский полк проходило до 40% всего офицерского состава шведской армии.¹ Все остальные вербованные части набирались в Финляндии, Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Шведской Померании, а также в различных районах Германии.

Вербованные части, за исключением Лейб-гвардейского полка, как правило, уступали по своим боевым качествам войскам индельты. Солдаты-наемники в сражениях показывали себя менее стойкими, чем поселенные шведские и финские солдаты. Из наемных войск в лучшую сторону несколько выделялись немецкие и финские, а самыми слабыми являлись прибалтийские: лифляндские, эстляндские и ингерманландские полки.

Следует отметить, что в составе корпуса генерала графа А. Л. Левенгаупта,

Гренадерская шапка Дальского пехотного полка. ВИМАИВ и ВС.

Офицерский знак шведских пехотных полков. ВИМАИВ и ВС.

присоединившегося к главной армии Карла XII в октябре 1708 г., после неудачного сражения при Лесной (28 сентября 1708 г.),² было немало вербованных и временных частей. Вследствие того что корпус Левенгаупта понес большие потери и сократился с 12 950 до 6503 чел., по распоряжению Карла XII 16 октября 1708 г. все пехотные части корпуса были расформированы, а их личный состав (со своими знаменами и офицерами) был распределен по полкам главной армии.

Таким образом, можно видеть, что к моменту Полтавского сражения в пехоте армии Карла XII кроме отборных шведских воинов имелось определенное число финских и прибалтийских солдат, пришедших с Левенгауптом. Следует также указать, что в составе главной армии с самого начала русского похода 1708—1709 гг. находились 6 немецких вербованных драгунских полков.

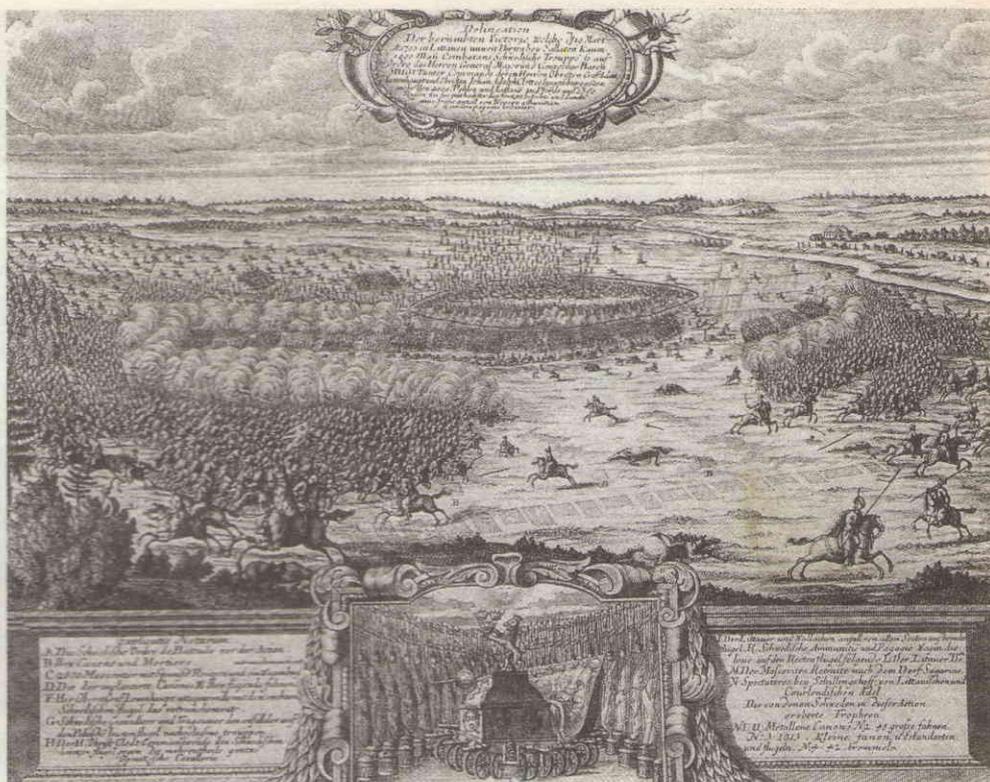
Пестрота национального состава³ безусловно отрицательно сказывалась на боевых качествах армии Карла XII, однако преувеличивать влияние данного фактора все же не следует, — ведь все, даже самые ненадежные (прибалтийские) части этой армии к 1709 г. имели большой боевой опыт и были закалены тяжелыми походами.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ

В составе шведской армии при Полтаве было 12 пехотных полков, насчитывавших в строю 9270 чел., без учета офицеров. Пехотные полки индельты имели стандартную организацию. В каждом полку было по 8 рот. В состав роты обычно входили: капитан, 1—2 лейтенанта, 1—2 прапорщика (fänrikar) — всего 3—5 офицеров; а также 5 унтер-офицеров: фельдфебель (fältväbel), 1 сержант (sergeant), 1 каптенармус (gustmästare), 1 фурьер (furir) и 1 подпрапорщик (förgare). Штатный строевой состав роты составляли 6 капралов (korporaler) и 144 рядовых (meniga) — всего 150 чел. Кроме того, в роте было обычно 3 музыканта, в т. ч. 1 или 2 барабанщика, а также флейтист, гобоист или трубач. Каждая рота делилась на 6 дивизионов по 24 рядовых с капралом во главе, причем два дивизиона вооружены пиками, а остальные четыре — ружьями. В каждом мушкетерском дивизионе насчитывалось 22 рядовых мушкетера и 2 гренадера. Каждый дивизион разделялся на 4 ряда (gotar) по 6 рядовых. Таким образом, рота состояла по штату из 12 гренадеров, 84 мушкетеров и 48 пикинеров.

Четыре роты образовывали один батальон в 600 чел., два батальона сводились в полк — всего 1200 чел. штатного состава (капралов и рядовых).

Штаб-офицерами полка являлись полковник (överste), подполковник (överstelöjtnant) и майор (major), которые одновременно считались командирами (вместо капитанов) трех первых рот полка, так называемых лейб-роты, роты подполковника и роты майора. В связи с тем, что полковник исполнял обязанности командира полка и одновременно командира первого, так называемого лейб-ба-

тальона, подполковник был командиром второго батальона, а майор обычно замещал полковника в качестве командира 1-го батальона, то в ротах должности этих штаб-офицеров исполняли лейтенанты (в лейб-роте заместителем полковника мог быть капитан-лейтенант).

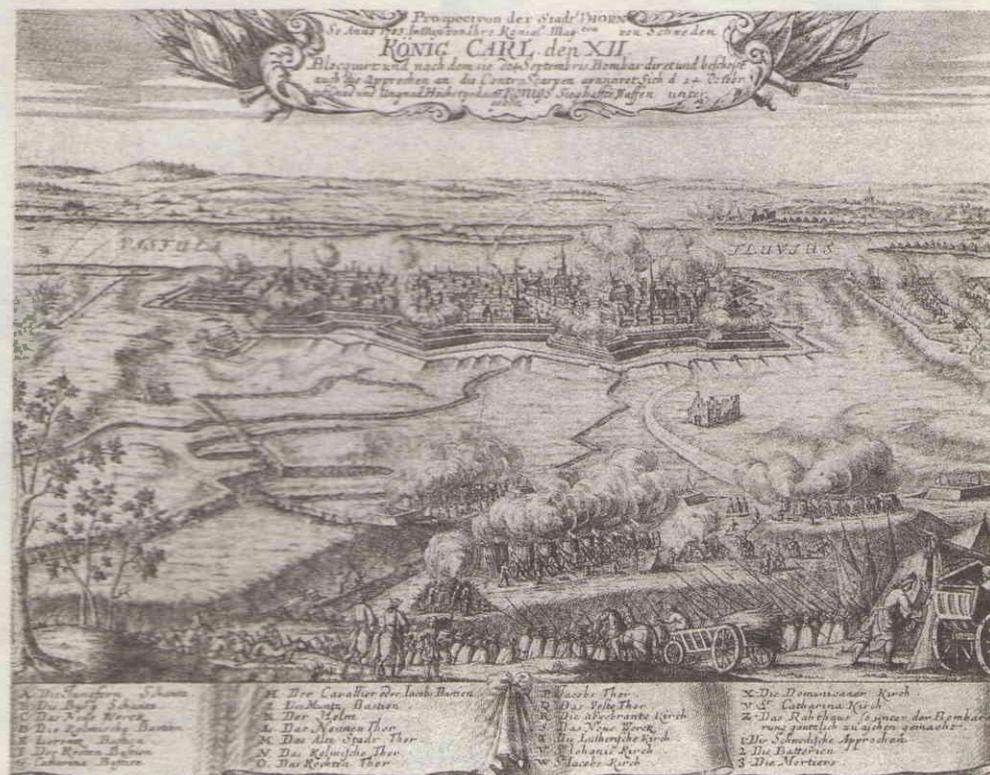
Кроме вышеназванных чинов в полку состояли полковой квартирмейстер, 3 пастора (в том числе полковой пастор, обслуживавший только офицеров), полковой писарь, полковой цирюльник, полковой профос, 3 младших профоса и 4 музыканта (флейтисты и гобоисты), а также

Победа шведов над польско-литовскими войсками 19 марта 1703 г. при городе Биржи. Шведская гравюра начала XVIII в. ВИМАИВ и ВС.

137 офицерских слуг и 72 ротных ездовых (обозников).

Роты в полку индельты (кроме трех первых) носили название тех районов

Осада города Торна войсками Карла XII, 1703 г. Шведская гравюра нач. XVIII в. ВИМАИВ и ВС.

Ротное знамя Лейб-гвардии пешего полка.

или населенных пунктов, откуда выставлялись и где проживали составлявшие их солдаты, например рота Эребру, Карлстадская рота и т. п., при этом их одновременно называли по именам и старшинству капитанов, командовавших ими (например, рота 1-го капитана, рота 2-го капитана, рота 3-го капитана и т. д.). В первый, или Лейб-гвардейский, батальон входили: Лейб-рота, рота майора и «четные» роты 2-го и 4-го капитанов, а во второй батальон — рота подполковника и «нечетные» роты 1-го, 3-го и 5-го капитанов. Роты штаб-офицеров и 1-го капитана являлись самыми лучшими по качеству — они состояли из наиболее опытных и закаленных солдат.

Лейб-гвардии пеший полк, в отличие от пехотных полков индельты, с 1703 г. состоял из четырех батальонов, имевших по 6 рот. I, II и III батальоны состояли из мушкетеров и пикинеров, а четвертый целиком состоял из grenадеров. Всего в полку Лейб-гвардии было 24 роты; кроме того, еще одна рота все время оставалась в Стокгольме, неся охрану королевского дворца.

Гвардейские роты по штату были меньше армейских — в них насчитывалось по 3 офицера, 6 унтер-офицеров, 108 рядовых и 3 музыканта. Рота делилась на 6 дивизионов по 18 рядовых, в том числе 2 дивизиона пикинеров (36 чел.) и 4 дивизиона мушкетеров (72 чел.). Grenадерская рота состояла из 6 grenадерских дивизионов, имевших ту же численность.

Всего в Лейб-гвардейском полку к началу русского похода насчитывалось 2592 рядовых строевого состава (по

Ротное знамя Упландского полка.

648 чел. в каждом батальоне). Общая численность полка, включая офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и нестроевых чинов, составляла 3000 чел.

Надо отметить, что к моменту Полтавского сражения шведские полки, входившие в состав главной армии Карла XII, сильно поредели в результате боевых и небоевых потерь. Несмотря на то, что они были пополнены в октябре 1708 г. за счет пехоты корпуса Левенгаупта, их численность к июню 1709 г. настолько сократилась, что Скараборгский, Кальмарский, Ёнчёпингский, Сёдерманландский, Крунубергский и Эстгётский полки двухбатальонного состава пришлось сделать однобатальонными. Численность Лейб-гвардейского полка сократилась до 1800 чел., Упландского — до 690 чел., Вестерботтенского до 600 чел.

III. ВООРУЖЕНИЕ И ОБМУНДИРОВАНИЕ

Пехота Карла XII состояла из трех видов солдат, различавшихся по своему вооружению. Основную массу составляли солдаты, вооруженные ружьями — мушкетеры и grenадеры. Последние кроме ружей имели гранаты, которые металы либо вручную, либо из мортирки малого калибра. Третью часть каждой пехотной роты в армии Карла XII составляли пикинеры — солдаты, имевшие в качестве основного оружия длинные пики.

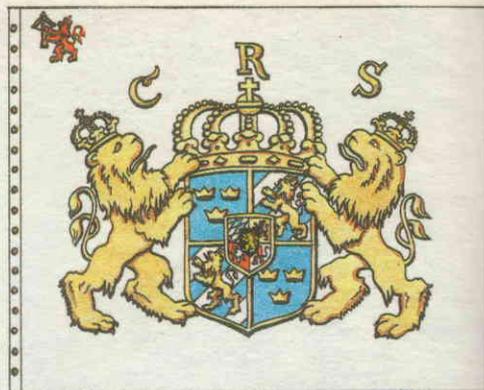
Шведское ружье (musket) имело кремневый замок и весило 4,7—5 кг. Калибр его составлял 20,04 мм, дальность была невелика — всего 225 м. Такое ружье (flintläsgevär) было введено в шведской армии еще в 1692 г., однако его широкое распространение относится к периоду 1704—1708 гг., до этого большинство ружей в пехоте имело фитильный замок или кремневый замок устаревшей конструкции.⁴

Под Полтавой уже все мушкетеры шведской пехоты имели ружья образца 1692 или 1704 г.

Кремневое ружье шведского мушкетера имело длинный — до 50 см — штык с трубкой для насаживания его на ствол. Такой штык был в 1696 г. введен в Лейб-гвардию, а затем постепенно получил распространение и в армейских полках. С 1704 г. вместо старого, неудобного при стрельбе, был введен более совершенный штык, крепившийся к трубке с помощью особой шейки.⁵ Появление его значительно упростило как ведение стрельбы, так и зарядание ружья с примкнутым штыком.

Стрельба велась бумажными патронами, которые пехотинец носил в особой патронной сумке, сделанной из черной кожи. Крышка сумы обычно украшалась медной бляхой в виде королевского вензеля Карла XII. Носилась патронная сумка на правом боку, на кожаной перевязи, надеваемой через левое плечо.⁶ Каждый шведский мушкетер имел при себе 25 готовых патронов.

Кроме ружья со штыком шведский пехотинец имел на вооружении шпагу с длинным клинком (90—93 см) и железным эфесом, в черных кожаных нож-

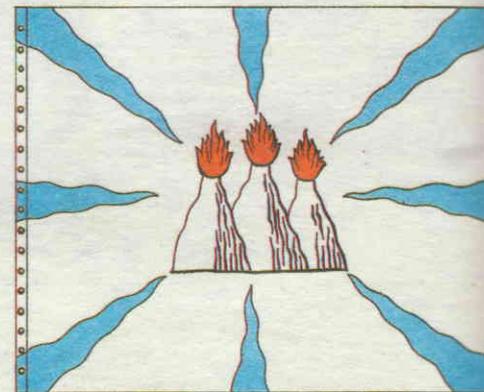

Полковое знамя Крунубергского полка.

нах, носимую на поясной португее. Последняя представляла собой кожаную лопасть, скрепленную с поясным ремнем — ножны шпаги продевались сквозь прорезь этой лопасти, висевшей на левом боку; вместе со шпагой таким же образом носился и штык.

Grenадеры, как было уже сказано, имели на вооружении ручные гранаты, которые носились в особых гранатных сумках. Для зажигания гранат grenадер имел фитили, хранившиеся в специальной фитильной трубке, которую он носил на груди, прикрепляя ее к перевязи гранатной сумы. Кроме гранат grenадер был вооружен кремневым ружьем, введенным у них с 1701 г., а также короткой шпагой. Чтобы ружье не мешало grenадеру при метании гранат, оно имело погонный ремень, с помощью которого его можно было носить за спиной через правое плечо.

Пикинер, как и все остальные пехотинцы, также имел на вооружении шпагу и пикку длиной 5,2—5,8 м. Пики в шведской пехоте были в среднем на 1—1,5 м длиннее, чем в других европейских армиях (в том числе и русской). По распоряжению Карла XII, в случае утери или поломки своих пик пикинеры вооружались ружьями и таким образом пополняли ряды мушкетеров. Возможно, что при Полтаве число пикинеров в шведской пехоте было невелико, так как в подробном списке трофеев, захваченных русскими войсками при Переволочне у сдавшейся армии Левенгаупта, нет ни одной пикки, хотя там перечислено все имущество, вплоть до кирок, топоров и ломов. Не исключено,

Ротное знамя Вестманландского полка.

Битва под Нарвой
19 ноября 1700 г.
Фрагмент. Картина
работы Коцебу.
Середина XIX в.

Художник с максимальной точностью передал на полотне детали вооружения и обмундирования шведской армии начала XVIII в. На переднем плане, правее центра, изображена группа гренадеров Дальского пехотного полка в синих с красным приборным мундирах. Особенно интересен их головной убор — красивая суконная гренадерка — для изображения которого Коцебу использовал оригинальный экземпляр из коллекции Артиллерийского исторического музея (ныне — ВИМАИВ и ВС).

что свои пики шведы порубили на дрова зимой 1708/09 г. или использовали их для строительства плотов, предназначенных для переправы через Днепр после Полтавского сражения.

Офицеры и унтер-офицеры шведской пехоты были вооружены шпагами, причем у первых шпаги были с золочеными эфесом и темляком, а у вторых — с посеребренными. Кроме того, офицеру полагалась полупика, или спонтон (sponton), а унтер-офицеру — особая алебарда, или копье с крестообразным лезвием, так называемый бардизан (bardisan). Фурьеры вместо алебарды или бардизана носили полупику с нашитым на древко небольшим полотнищем — так называемым фурьерским значком. Длина древка бардизана — около 2 м или более.

Обмундирование шведской пехоты было достаточно унифицированным. Еще при Карле XI, в 1687—1696 гг., в пехотных полках был введен единый образец синего суконного кафтана, ставшего характерным внешним отличием шведской армии периода Великой Северной войны. А. С. Пушкин в своей поэме «Полтава» не случайно упомянул о «синих рядах» «воинственных дружин» Карла XII.

Кафтан был однобортным, имел небольшой отложной воротник и разрезные обшлага на рукавах. Полю обычно подворачивались подкладкой вверх и пристегивались за углы. По бокам ниже талии имелись два кармана. Клапаны карманов имели характерную для шведской армии форму с 7-ю пуговицами. На плечах были погоны цвета кафтана с выпушкой «приборного» цвета. Пуговицы в пехоте были оловянные. Общеевропейский покрой кафтана с начала Северной войны претерпел некоторые изменения, в 1706—1707 гг. он стал приталенным и по борту ниже пояса пуговицы уже не пришивались.

Приборный цвет (т. е. цвет подкладки, обшлагов, обшивки кафтана и выпушки на погонах) в большинстве шведских пехотных полков был желтый. Из 12 полков, входивших в состав армии Карла XII под Полтавой, только у трех приборный цвет был другой: в Вестерботтенском полку — белый, в Нерке-Вермландском и Ёнчёпингском полках — красный.

В холодное время года шведский пехотинец носил поверх кафтана короткий, до колен, плащ (епанчу) из синего сукна с отложным воротником и подкладкой приборного цвета.

Под кафтаном носился камзол из лосиной кожи — в пехоте, в Лейб-гвардии — из желтого сукна, который имел тот же покрой, что и кафтан, но был короче и уже последнего и без рукавов. Пуговицы на камзоле были меньших размеров. Их обычно изготавливали из олова или кости. Под камзолом носилась белая рубаха домотканого полотна. Панталоны шились из лосиной кожи. Чулки в шведской пехоте были выше колен, с подвязками; в Лейб-гвардейском полку — из желтой материи, в Нерке-Вермландском и Ёнчёпингском полках — красной, в Вестерботтенском — белой, а в остальных частях — из лосиной или оленьей кожи. Башмаки во всей пехоте были стандартные — из черной смазной кожи, с «язычком» и медными пряжками. В число предметов униформы пехотинца входили также лосиные перчатки с раструбами.

Пехотинцы носили галстуки с бантом — формы, характерной для конца XVII — начала XVIII в. В большинстве полков галстуки были из белого полотна (трипа), но в Ёнчёпингском полку они имели красный цвет, а в Вестерботтенском полку наряду с белым галстуком встречался белый с голубыми продольными полосами и черным бантом; в Даль-

ском полку белый галстук имел бант из двух синих (по краям) и одной желтой (по центру) продольных полос. Как варианты, во всех полках встречались также темно-синие или черные галстуки.

Головным убором в пехоте являлась стандартная треугольная шляпа из черного войлока, хотя она могла быть шерстяной или пуховой. По краю загнутых вверх полей имелась белая шерстяная обшивка (галун), а на тулье, с левой стороны, была пришита оловянная пуговица для пристегивания полей.

Наряду со шляпой-треуголкой широкое распространение в шведской пехоте получила особая шапка — «карпус» (karpus). Карпусы имели различную форму; чаще всего употреблялись суконные с синей тульей и желтой опушкой. Опушка представляла собой поле, пришитое снизу к тулье и подворачивающееся вверх; по бокам оно обычно имело разрезы. На круглую тулью карпуса сверху иногда нашивались пуговицы. В Вестерботтенском полку опушка карпусов была белая, в Нерке-Вермландском полку встречался черный карпус с красной опушкой и черным налобником, обшитым по краю белым галуном, а в Вестманландском — карпусы с синей тульей и голубой опушкой или с черной тульей, голубой опушкой и желтой подкладкой (с внутренней стороны опушки).

Армейские гренадеры носили ту же форму, что и мушкетеры, а гвардейские, по-видимому, имели на кафтанах желтые нагрудные лацканы по 9 пуговиц на каждом. Отличием обмундирования этого вида пехоты являлись особые гренадерские шапки, имевшие остроконечную форму. Типы этих шапок были довольно разнообразны, но наиболее распространена была суконная шапка в виде епископской митры с желтой гарусной кистью наверху.

Спереди такая шапка имела медный или золоченый налобник, украшенный изображениями королевского вензеля, пылающих гранат, арматуры и различных гербов; сзади на тулье имелась медная бляха с изображением пылающих гранат.

Музыканты носили синие кафтаны того же покроя, что и рядовые пехотинцы, однако полы его они обычно не подворачивали. Швы, борта и карманные клапаны у музыкантов, как правило, были украшены желтым или белым галуном, такая же расшивка шла по рукавам. Барабаны обычно имели обшивку из сочетания синего или голубого и полкового приборного цветов.

Капралы шведской пехоты были вооружены и обмундированы как рядовые пехотинцы, но на шляпах, поверх белой обшивки, у них был нашит узкий золотой галун.

Унтер-офицеры имели обмундирование того же типа, что и рядовые. Их отличием являлись: воротник и обшлага кафтана одного с ним цвета (т. е. синие), синие панталоны, голубые подкладка и обшивка петель кафтана и чулки, а также серебряный галун на шляпе; пуговицы посеребренные. В Лейб-гвардейском полку унтер-офицеры имели серебряную галунную обшивку не только на шляпе, но и на кафтане: по воротнику, обшлагам, карманным клапанам и швам, а также по борту. Подкладка кафтана у гвардейских унтер-офицеров были из особой голубой узелковой ткани. Епанча у них имела такую же подкладку, а также серебряный галун по краю синего воротника, в то время как у рядовых и капралов воротник был желтый с белой обшивкой, с серебряными застежками.

Офицеры шведской Лейб-гвардии носили стандартные синие кафтан и камзол, расшитые золотым галуном таким же образом, как у гвардейских унтер-офицеров. Пуговицы были золоченые. Золотой галун шел по шляпе, которая могла быть украшена перьевым белым плюмажем. Как и унтер-офицеры, офицерский состав имел синий воротник, синие обшлага кафтана и панталоны, а также голубые подкладку кафтана и чулки. Обшивка петель у офицеров была золотая, в то время как унтер-офицеры имели голубую обшивку. Перчатки офицеров были обшиты по краям раструбов золотым галуном с такой же бахромой. Офицерские галстуки были из более тонкого белого полотна и могли иметь кружева. Поясной ремень имел позолоченную пряжку и золотую вышивку по краям. Плащ гвардейского офицера имел голубую подкладку и золоченые застежки, его синий воротник, борта и задний разрез были обшиты золотым галуном.

Форма армейских офицеров была несколько скромнее — золотой галун у них имелся только на шляпе, но остальные детали были те же, что и в Лейб-гвардии. Штаб-офицеры, а также генералы нередко вместо обычного мундирного кафтана носили синий кафтан модного в то время французского покроя — так называемый жюстокор (just au corps), весь расшитый золотым галуном. Кроме того, они, как правило, ходили в длинных завитых пари-

ках, так называемых алонжевых (от французского à longue), в то время как остальные чины шведской армии париков не носили.

Офицерские чины различались по горжетам — специальным нагрудным металлическим знакам, которые носились на шею на голубой ленте. Эти знаки были украшены изображением королевского вензеля Карла XII, а у штаб-офицеров, кроме того, еще и лавровых ветвей. По доступным сведениям нам известен один из вариантов различения офицерских чинов по знакам. В 1717 г. у всех офицеров поле горжета было золоченое, а изображения на них различались по материалу в зависимости от чина. У полковника все изображения (вензель и ветви) были золочены, у подполковника и майора они были из голубой финифти, у капитана и капитан-лейтенанта — такие же (но без ветвей), а у лейтенанта — буквы вензеля из финифти, а корона золоченая, у прапорщика — весь вензель золоченый. Возможно, что встречались и другие варианты различения чинов по знакам, например штаб-офицеры могли иметь серебряные знаки с золоченой каймой, вместо ветвей на знаках могла быть изображена арматура и т. д.

Как известно, при Полтаве в составе пехотных полков главной армии были солдаты и офицеры из частей корпуса Левенгаупта, включенные в эти полки в октябре 1708 г. Среди них лишь воины Хельсинкского (шведского) полка индельты имели обычную, синюю с желтым, униформу. Остальные принадлежали к Абоскому, Бьернеборгскому, Нюландскому и Эстерботтенскому (финским) полкам индельты, шведским третьоочередным полкам Левенгаупта, Банера и Сталя, финскому третьоочередному полку Врангеля, а также к лифляндским вербованным частям: полку графа Делагарди и батальону Остен-Сакена. Все вышеперечисленные части имели вместо синих кафтанов серые, из некрашеного сержажного сукна, как правило со светло-синим прибором. Камзолы, панталоны и чулки в этих частях изготавливались из лосиной, оленьей или козлиной кожи, пуговицы — оловянные. В большинстве финских, прибалтийских и временных шведских полков галстуки были из черного трипа, шляпы могли не иметь белой обшивки по краю. Под Полтавой наличие солдат указанных частей в рядах старых, отборных полков индельты придавало последним пестроту обмундирования и нарушало единообразие характерного для главной армии Карла XII сочетания синего и желтого цветов.

Каждая рота в полках шведской пехоты имела знамя. Знамя лейб-роты носило название лейб-знамени (livfanan); это было белое прямоугольное полотнище, в центре которого был изображен вышитый золотом большой государственный герб Швеции, а в левом верхнем или во всех углах имелось маленькое изображение герба того лена, откуда комплектовался полк. Прочие ротные знамена имели полотнища цвета своего лена, а в центре — большой герб лена. Так, например, ротное знамя Сёдерманландского полка име-

ло желтое полотнище, в центре которого в зеленом лавровом венке был изображен черный грифон; в Дальском полку полотнище ротного знамени было синее, а в центре его изображены две золотые скрещенные стрелы под короной, а вокруг них — серебряный лавровый венок; в Ёнчёпингском полку полотнище знамени состояло из чередующихся трех красных и трех желтых продольных полос, а в центре его был изображен в зеленом лавровом венке белый трехбашенный замок на черном холме; полотнище ротного знамени Упландского полка имело на красном поле изображение золотой «державы» в золотом лавровом венке и т. д.

В Лейб-гвардейском полку все ротные знамена были белые, на знамени лейб-роты имелось золотое изображение государственного герба Швеции, а на остальных — королевский вензель Карла XII. Размер знамен во всей пехоте был стандартный: 170 см в высоту и 212 см в длину.

IV. ТАКТИКА

Боевой порядок шведской пехоты Карла XII был довольно традиционным. Он выработался еще в середине XVII в. и без особых изменений дожил до Великой Северной войны 1700—1721 гг.

Шведская пехота обычно строилась для сражения в две линии батальонов, причем наиболее часто применялось построение линий по полкам, когда оба батальона каждого полка располагались рядом друг с другом. Таким образом, первая линия составлялась из одних полков, вторая — из других, стоящих им в затылок. Эта система была удобна для маневра второй линией, например для охвата флангов противника.

Иногда шведы использовали другой способ построения пехоты, когда полки имели один батальон в первой линии, а второй — в затылок ему во второй линии. При таком построении обеспечивалась более надежная поддержка первой линии от второй и более тесная связь между ними. Недостатком данного боевого порядка было нарушение полковой организации в случае использования второй линии не для поддержки первой, а для маневра на поле боя.

При использовании боевого порядка первого типа справа становился лейб-батальон полковника, а слева от него — батальон подполковника. В батальонах роты строились таким образом, чтобы на флангах каждого оказывались лучшие (старшие) роты: в 1-м батальоне справа налево становились: лейб-рота, роты 2-го и 4-го капитанов и рота майора, а во 2-м батальоне — рота подполковника, роты 3-го, 5-го и 2-го капитанов. При использовании боевого порядка второго типа

Шведы: Армейская пехота.

Мушкетер Ёнчёпингского (Jönköpings) полка.

Барабанщик Кальмарского (Kalmar) полка.

Офицер Нёрке-Вермландского (Närke-Värmlands) полка.

Спереди такая шапка имела медный или золоченый налобник, украшенный изображениями королевского вензеля, пылающих гранат, арматуры и различных гербов; сзади на тулье имелась медная бляха с изображением пылающих гранат.

Музыканты носили синие кафтаны того же покроя, что и рядовые пехотинцы, однако полы его они обычно не подворачивали. Швы, борта и карманные клапаны у музыкантов, как правило, были украшены желтым или белым галуном, такая же расшивка шла по рукавам. Барабаны обычно имели обшивку из сочетания синего или голубого и полкового приборного цветов.

Капралы шведской пехоты были вооружены и обмундированы как рядовые пехотинцы, но на шляпах, поверх белой обшивки, у них был нашит узкий золотой галун.

Унтер-офицеры имели обмундирование того же типа, что и рядовые. Их отличием являлись: воротник и обшлага кафтана одного с ним цвета (т. е. синие), синие панталоны, голубые подкладка и обшивка петель кафтана и чулки, а также серебряный галун на шляпе; пуговицы посеребренные. В Лейб-гвардейском полку унтер-офицеры имели серебряную галунную обшивку не только на шляпе, но и на кафтане: по воротнику, обшлагам, карманным клапанам и швам, а также по борту. Подкладка кафтана у гвардейских унтер-офицеров были из особой голубой узелковой ткани. Епанча у них имела такую же подкладку, а также серебряный галун по краю синего воротника, в то время как у рядовых и капралов воротник был желтый с белой обшивкой, с серебряными застежками.

Офицеры шведской Лейб-гвардии носили стандартные синие кафтан и камзол, расшитые золотым галуном таким же образом, как у гвардейских унтер-офицеров. Пуговицы были золоченые. Золотой галун шел по шляпе, которая могла быть украшена перьевым белым плюмажем. Как и унтер-офицеры, офицерский состав имел синий воротник, синие обшлага кафтана и панталоны, а также голубые подкладку кафтана и чулки. Обшивка петель у офицеров была золотая, в то время как унтер-офицеры имели голубую обшивку. Перчатки офицеров были обшиты по краям раструбов золотым галуном с такой же бахромой. Офицерские галстуки были из более тонкого белого полотна и могли иметь кружева. Поясной ремень имел позолоченную пряжку и золотую выпушку по краям. Плащ гвардейского офицера имел голубую подкладку и золоченые застежки, его синий воротник, борта и задний разрез были обшиты золотым галуном.

Форма армейских офицеров была несколько скромнее — золотой галун у них имелся только на шляпе, но остальные детали были те же, что и в Лейб-гвардии. Штаб-офицеры, а также генералы нередко вместо обычного мундирного кафтана носили синий кафтан модного в то время французского покроя — так называемый жюстокор (just au corps), весь расшитый золотым галуном. Кроме того, они, как правило, ходили в длинных завитых пари-

ках, так называемых алонжевых (от французского à longe), в то время как остальные чины шведской армии париков не носили.

Офицерские чины различались по горжетам — специальным нагрудным металлическим знакам, которые носились на шею на голубой ленте. Эти знаки были украшены изображением королевского вензеля Карла XII, а у штаб-офицеров, кроме того, еще и лавровых ветвей. По доступным сведениям нам известен один из вариантов различения офицерских чинов по знакам. В 1717 г. у всех офицеров поле горжета было золоченое, а изображения на них различались по материалу в зависимости от чина. У полковника все изображения (вензель и ветви) были золоченые, у подполковника и майора они были из голубой финифти, у капитана и капитан-лейтенанта — такие же (но без ветвей), а у лейтенанта — буквы вензеля из финифти, а корона золоченая, у прапорщика — весь вензель золоченый. Возможно, что встречались и другие варианты различения чинов по знакам, например штаб-офицеры могли иметь серебряные знаки с золоченой каймой, вместо ветвей на знаках могла быть изображена арматура и т. д.

Как известно, при Полтаве в составе пехотных полков главной армии были солдаты и офицеры из частей корпуса Левенгаупта, включенные в эти полки в октябре 1708 г. Среди них лишь воины Хельсинкского (шведского) полка индельты имели обычную, синюю с желтым, униформу. Остальные принадлежали к Абоскому, Бьернеборгскому, Нюландскому и Эстерботтенскому (финским) полкам индельты, шведским третьеочередным полкам Левенгаупта, Банера и Сталля, финскому третьеочередному полку Врангеля, а также к лифляндским вербованным частям: полку графа Делагарди и батальону Остен-Сакена. Все вышеперечисленные части имели вместо синих кафтанов серые, из некрашеного сермяжного сукна, как правило со светло-синим прибором. Камзолы, панталоны и чулки в этих частях изготавливались из лосиной, оленьей или козлиной кожи, пуговицы — оловянные. В большинстве финских, прибалтийских и временных шведских полков галстуки были из черного трипа, шляпы могли не иметь белой обшивки по краю. Под Полтавой наличие солдат указанных частей в рядах старых, отборных полков индельты придавало последним пестроту обмундирования и нарушало единообразие характерного для главной армии Карла XII сочетания синего и желтого цветов.

Каждая рота в полках шведской пехоты имела знамя. Знамя лейб-роты носило название лейб-знамени (livfanan); это было белое прямоугольное полотнище, в центре которого был изображен вышитый золотом большой государственный герб Швеции, а в левом верхнем или во всех углах имелось маленькое изображение герба того лена, откуда комплектовался полк. Прочие ротные знамена имели полотнища цвета своего лена, а в центре — большой герб лена. Так, например, ротное знамя Сёдерманландского полка име-

ло желтое полотнище, в центре которого в зеленом лавровом венке был изображен черный грифон; в Дальском полку полотнище ротного знамени было синее, а в центре его изображены две золотые скрещенные стрелы под короной, а вокруг них — серебряный лавровый веночек; в Ёнчёпингском полку полотнище знамени состояло из чередующихся трех красных и трех желтых продольных полос, а в центре его был изображен в зеленом лавровом венке белый трехбашенный замок на черном холме; полотнище ротного знамени Упландского полка имело на красном поле изображение золотой «державы» в золотом лавровом венке и т. д.

В Лейб-гвардейском полку все ротные знамена были белые, на знамени лейб-роты имелось золотое изображение государственного герба Швеции, а на остальных — королевский вензель Карла XII. Размер знамен во всей пехоте был стандартный: 170 см в высоту и 212 см в длину.

IV. ТАКТИКА

Боевой порядок шведской пехоты Карла XII был довольно традиционным. Он выработался еще в середине XVII в. и без особых изменений дожил до Великой Северной войны 1700—1721 гг.

Шведская пехота обычно строилась для сражения в две линии батальонов, причем наиболее часто применялось построение линий по полкам, когда оба батальона каждого полка располагались рядом друг с другом. Таким образом, первая линия составлялась из одних полков, вторая — из других, стоящих им в затылок. Эта система была удобна для маневра второй линией, например для охвата флангов противника.

Иногда шведы использовали другой способ построения пехоты, когда полки имели один батальон в первой линии, а второй — в затылок ему во второй линии. При таком построении обеспечивалась более надежная поддержка первой линии от второй и более тесная связь между ними. Недостатком данного боевого порядка было нарушение полковой организации в случае использования второй линии не для поддержки первой, а для маневра на поле боя.

При использовании боевого порядка первого типа справа становился лейб-батальон полковника, а слева от него — батальон подполковника. В батальонах роты строились таким образом, чтобы на флангах каждого оказывались лучшие (старшие) роты: в 1-м батальоне справа налево становились: лейб-рота, роты 2-го и 4-го капитанов и рота майора, а во 2-м батальоне — рота подполковника, роты 3-го, 5-го и 2-го капитанов. При использовании боевого порядка второго типа

Шведы: Армейская пехота.

Мушкетер Ёнчёпингского (Jönköpings) полка.

Барабанщик Кальмарского (Kalmar) полка.

Офицер Нёрке-Вермландского (Närke-Värmlands) полка.

лейб-батальон всегда становился в первой линии, построение рот в батальонах оставалось без изменений.

Тактическое построение каждого батальона предусматривало выделение всех пикинерных дивизионов и расположение их в центре боевого порядка батальона, в то время как мушкетерские дивизионы всех рот образовывали крылья порядка; гренадеры становились на самых крайних флангах. Отдельно действующие роты строились в линию дивизионов таким же образом, т. е. по 2 мушкетерских дивизиона на флангах, а в центре — 2 пикинерных дивизиона образовывали опору боевого порядка.

Батальоны и роты чаще всего строились в 6 шеренг (по рядам — «gotar»), хотя могли применять четырех- или трехшереножный строй. При построении батальона в 6 шеренг в центре оказывались 192 пикинера (32 чел. по фронту), на флангах — по 168 мушкетеров (28 чел. по фронту на каждом фланге) и на крайних флангах — по 24 гренадера (4 чел. по фронту на каждом фланге). Таким образом, батальон из 576 рядовых имел по фронту 96 чел. При четырехшереножном строе фронт батальона состоял из 144 чел., а при трехшереножном — из 192 чел. Офицеры и унтер-офицеры располагались частью на флангах боевого порядка, частью позади его. Знамена рот со своим эскортом (1 прапорщик и 1 подпрапорщик на каждое знамя) во время боя размещались в центре строя.

На каждого солдата-пехотинца по фронту приходилось немногим более одного метра, так что фронт батальона при шестишереножном строе мог составлять около 100 м, при четырехшереножном — около 150 м, а при трехшереножном — около 200 м. Глубина фронта составляла соответственно 10 м, 6,5 и 5 м.

В Полтавском сражении батальоны армии Карла XII, по-видимому, были построены либо в 6 шеренг, либо в 4 шеренги, в зависимости от численности каждого батальона, причем интервалы между ними были увеличены.⁷ По некоторым источникам, каждый из 10 шведских батальонов, построенных в момент генеральной Полтавской баталии в одну линию, имел 100 м по фронту, а интервалы между батальонами составляли 50 м.⁸

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, в шведской пехоте под Полтавой, вероятно, имелось лишь незначительное число пик, поэтому многие пикинеры, вооруженные вместо пик ружьями, действовали в бою как мушкетеры.

При ведении наступательного боя — а именно такой тактики придерживались шведы в Полтавском сражении — пехота Карла XII должна была, согласно королевским регламентам, избегать длительного огневого боя и после одного-двух залпов стараться переходить к атаке холодным оружием.⁹

Гвардейская пехота:
Гренадер.
Унтер-офицер.
Барабанщик.
Офицер.

Огонь обычно вели одновременно три шеренги пехотинцев, причем первая шеренга стреляла с колена, вторая — стоя, а третья — в промежутки между солдатами второй шеренги. Батальон в 600 чел., вооруженный на две трети ружьями и на одну треть пиками и построенный в 6 шеренг мог, таким образом, дать залп одновременно всего из 200 ружей, а батальон, построенный в 4 шеренги, — из 300 ружей.¹⁰ При скорострельности в боевых условиях один выстрел в 2 минуты получалось 100 (при шестишереножном строе) или 150 (при четырехшереножном строе) выстрелов в минуту на 100 м фронта батальона. В случае, если большая часть пикинеров батальона получала вместо пик ружья, огневая мощь последнего возрастала в два или три раза.

При ведении длительного огневого боя (как, например, случилось в сражении при Лесной в 1708 г.) шведская пехота могла вести стрельбу методом караколирования, рядами (gotar).¹¹ Этот способ заключался в том, что, дав залп, солдаты первой шеренги уходили назад, становились за солдатами последней шеренги и перезаряжали ружья, в то время как стрельбу продолжали солдаты второй шеренги, которые затем повторяли тот же маневр и т. д., до тех пор, пока очередь вновь не доходила до мушкетеров первой шеренги.

Пехота Карла XII была превосходно обучена и владела всеми современными ей видами боя. Перестроения и маневры она совершала с исключительной быстротой и сноровкой. Шведский король, будучи сторонником активных, решительных боевых действий, требовал от своих солдат быстрых и смелых атак, невзирая на численное превосходство неприятеля. Ввиду господства линейной тактики шведская пехота (впрочем, как и любая другая в то время) не была обучена действовать на пересеченной местности, и в подобных условиях ее боеспособность резко снижалась, однако на ровной, открытой местности ее превосходство было очевидным. Об этом свидетельствует и тот факт, что при Полтаве шведы, имея четверо меньше пехоты, чем русские (12 батальонов против 42), тем не менее были атакующей стороной и повели дело так, что едва не разбили все левое крыло петровской армии. Исход боя в конечном счете решила уязвимость флангов шведской пехоты, охваченных более длинной линией русских батальонов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петр I, по шведскому примеру, принял такую же систему в новообразованной русской гвардии, где Преображенский полк и Семёновский полк также являлись офицерскими полками.

² Все даты приводятся по Юлианскому календарю, принятому в России с 1 января 1700 г.

³ Не надо также забывать и об иррегулярных войсках армии Карла XII — валахах, поляках, украинских и запорожских казаках.

⁴ В 1704 г. была выпущена модификация кремневого ружья образца 1692 г.,

но по своим тактико-техническим данным она не отличалась от последнего.

⁵ Штык с шейкой был изобретен в 1699 г. и получил распространение в западноевропейских армиях в начале 1700-х гг.

⁶ Вся экипировка шведского солдата делалась из лосиной, оленьей или козливой кожи (чаще всего — из лосиной).

⁷ Следует учитывать тот факт, что при Полтаве некоторые батальоны шведской пехоты были несколько меньше штатной численности и насчитывали по 300—400 чел.

⁸ Русские батальоны, построенные для генеральной баталии, имели 80—90 м по фронту, а интервалы всего 10 м. Таким образом, против 10 шведских батальонов, имевших 1450 м по фронту, действовало 24 русских батальона первой линии, которые занимали фронт в 2150 м.

⁹ Несмотря на столь явное огневое превосходство четырехшереножного строя, шведы все же не отказались от применения строя из 6 шеренг, так как последний обладал большей устойчивостью при непосредственном столкновении с противником в рукопашном бою.

¹⁰ Любопытно, что практика штыкового боя тогда еще не была освоена. Устав требовал от шведского мушкетера атаковать, держа ружье в левой руке, а обнаженную шпагу — в правой. Колоть штыком было неподручно.

¹¹ Метод караколирования (от итальянского «caracole», т. е. улитка) был впервые применен еще в XVI в., а затем совершенствовался на протяжении всего XVII в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Åberg A., Göransson G. Karolinsk. Stockholm, 1976.
2. Bellander E. En Karolinsk infanteriuniform // Föreningen Akémusei Vänner Meddeland XI. Stockholm, 1950.
3. Gripenberg O. Finsk krigsmanna beklädnad derom fyra sekler. Borgå, 1966.
4. Holm N. F. Poltava 1709. Det svenska svardet. Stockholm, 1948.
5. Karl XII på slagfältet // Karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling. D. I—IV. Stockholm, 1918—1919.
6. Lewenhaupt A. Karl XII's officera-re. D. 1—2. Lund, 1977.
7. Löjtnanten Fr. Chr. von Weihs dagbok 1708—1712. Stockholm, 1902.
8. Nordensvan C. O. Svenska armén åren 1700—1709 // Karolinska förbundets årsbok (KFA). 1916. S. 120—180.
9. Nordensvan C. O. Svenska armén åren 1709—1718 // KFA, 1919. S. 207—252.
10. Nordensvan C. O. Svenska arméns regementen 1700—1718 // KFA. 1920. S. 62—94.
11. Petri G. Slaget vid Poltava // KFA. 1958. S. 125—161.
12. Sjögren O. Karl XII och hans män. Stockholm, 1899.
13. Waller S. M. Den svenska huvudarméns styrka år 1707 // KFA. 1957. S. 109—111.
14. Wernstedt F. Bidrag till kändedomen om den svenska huvudarméns styrka under fälttåget mot Rusland 1707—1709 // KFA. 1931.

УЛЬМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1805 ГОДА (часть 2)

Как и всю предыдущую неделю, седьмого октября 1805 года погода в Донауверте была отвратительная. Около часа дня зарядил холодный дождь.

Проклинаая все на свете, генералы и офицеры свиты императора кутались в мокрые плащи. Наполеон, не обращая внимания на непогоду, молча наблюдал за работой саперов, лишь изредка отсылая адъютантов с приказами. Накануне австрийские пехотинцы полка Коллоредо отступили за Дунай, уничтожив за собой мост. Один батальон 24-го легкого полка с двумя эскадронами конных егерей переправился в двух лье выше по течению у Мюнстера и подошел к остаткам переправы по правому берегу. За ними последовали драгуны 2-й дивизии генерала Вальтера, прибывшие на место к десяти часам утра. Австрийцев уже не было: узнав о приближении крупных сил неприятеля, они поспешно ретировались.

Теперь необходимо было как можно быстрее восстановить мост. Не дожидаясь завершения работ, Мюрат переправился через Дунай на лодке и отправил по дорогам на Аугсбург и Райн кавалерийские разведы... Форсирование переправы пехота и артиллерия начали к вечеру, а

ночью с правого берега в штаб, где не покладая рук работал Бертье, поступили первые сведения от аванпостов, столкнувшихся с вражеской кавалерией. Обстановка на сцене театра военных действий представлялась французскому полководцу следующей.

Великая Армия мощным клином врезалась в расположение правого фланга австрийской армии. Отряд Кинмайера, уходящий в восточном направлении. Но остальные?... Что будет делать основная часть неприятельских войск, которая расположена западнее французского прорыва? Для императора этот вопрос почти очевиден, ибо он всегда представлял себя на месте неприятеля. Но это иногда не соответствовало истине, так как мало у кого хватало решимости действовать как Наполеон. Итак, французский полководец, представляя себя на месте Макка, был уверен, что австрийский генерал выяснит обстановку, оценит силу обходного маневра и, поняв тяжесть своего положения, решится на отважный шаг: сконцентрирует войска и ринется на прорыв в восточном направлении, сменяя отдельные французские колонны, пытаясь возместить недостаток сил за счет сплоченности и энергии... Наполеон не исключал, однако, и другой вариант, менее отваж-

ный — отступление австрийцев в южном направлении, на Тироль.

В шесть утра Бертье пишет Нею поручению императора: «Вероятно, переход через Лех и занятие Аугсбурга, которое произойдет сегодня, отрезвит неприятеля... Невозможно, чтобы противник, узнав о переходе Дуная и Леха, а также о страхе и беспокойстве, которые охватили его войска на Лехе, не решит отступить».

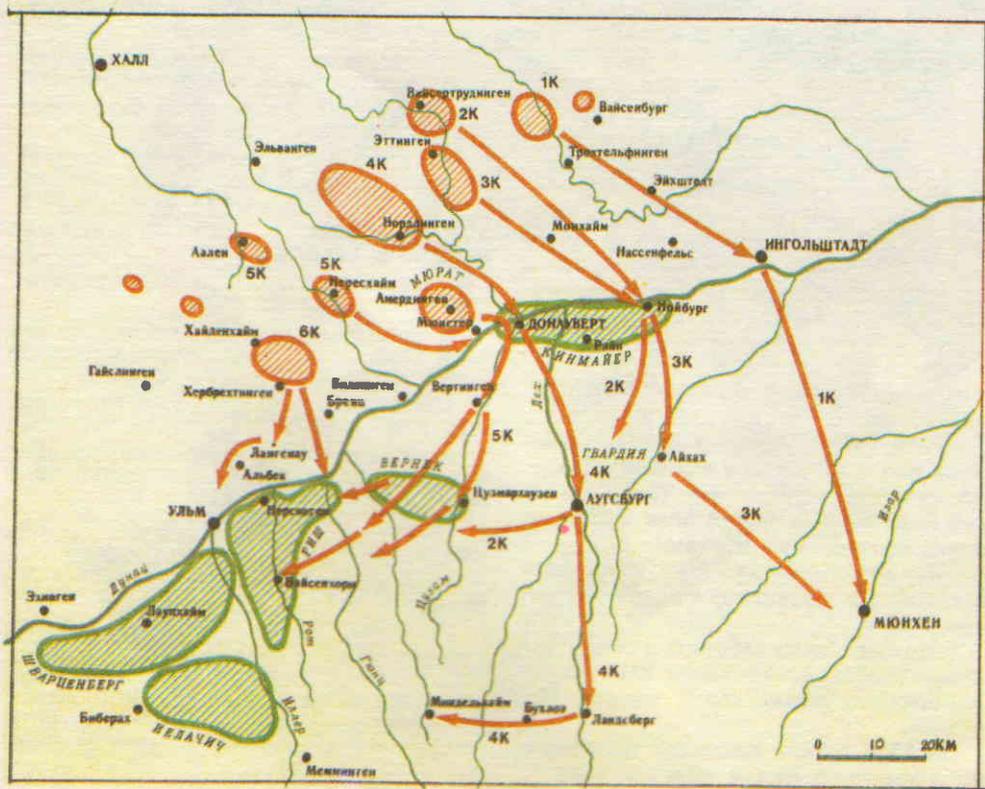
Наполеон почти исключал отступление австрийцев по левому берегу Дуная в северо-восточном направлении, так и при этом они подвергались опасности окружения. «Его Величество не думает, что неприятель будет безумен, чтобы перейти на левый берег Дуная», снова через несколько часов Бертье пишет Нею.

Самое интересное, что австрийский главнокомандующий, получивший несколько сведений о переходе французами Дуная в Донауверте, не оценил всю меру опасности, нависшую над его армией, хотя уже тогда понял, как цель преследующих французов. В тот день он пишет: «Кажется, сейчас ясно, что неприятель возобновляет свой маневр Маренго, то есть он пытается отрезать нас от наследственных владений...». Дело в том, что австрийский генерал, лично представляя себе задачу противника и направление его движения, отдавал себе отчет в его силах. Макка казалось, что он имеет дело с почти равной по силам армией, т. е. не более 60 тысяч человек, не понимал он и тактику и психологию своего гениального противника, не видел морального превосходства французов. В результате у Макка складывается идея повторить то, что несколько лет до него сделал генерал Кривель на этой же позиции против войск Мюрата. Держа мощный опорный пункт Ульм, стоящий «верхом» на Дунае, он представлял угрожать французам на левом берегу на правом берегу в зависимости от того, где они окажутся слабее. Позже, если армия Наполеона вся переправится на правый берег, «...достаточно будет маневрировать по левому берегу, спускаясь вниз по реке, чтобы, если не разбить врага, то сделать его судьбу ужасающей».

А пока Макк решает «раздавить» авангарды французов, переправившиеся на южный берег Дуная. Для этого австрийский генерал отряжает небольшой отряд генерала Ауффенберга (около 4800 человек), направив его через Веттинген на Донауверт.

Восьмого октября на рассвете французский император все так же стоял у Донаувертского моста. Его войска у-

Схема марш-маневра Великой Армии (6—11 октября 1805 г.).

наводнили правый берег Дуная. Мюрат перевел на другую сторону реки почти все свои дивизии, корпус Сульта перешел водную преграду на глазах своего полководца в Донауверте, части корпуса Ланна переправлялись через Дунай у Мюнстера, Даву форсировал реку у Нойбурга, за ним продвигались Мармон и Бернадотт.

Выполняя приказ императора, Султ, имея в голове колонны 2-ю драгунскую дивизию Вальтера, устремился на Аугсбург. Ведомые Мюратом, 1-я драгунская дивизия Клейна, 3-я Бомона вместе с кирасирами Нансути и гусарами из дивизии Трейяра, ринулись на Цузмархаузен. Генерал Ауффенберг, которому была поручена почетная миссия «раздавить» все вышеозначенные войска, не торопясь приближался к городку Вертинген, лежащему на дороге из Цузмархаузена в Донауверт. Его разъезды, как ни странно, не обнаружили стремительно приближающиеся с северо-востока полки Мюрата, зато генералу донесли, что со стороны Мюнстера замечена неприятельская пехота. Это были гренадеры Удино, шедшие в голове корпуса Ланна. Ауффенберг выслал небольшой авангард под командой генерала Динерсберга в этом направлении и, расположив свои войска на случай атаки, как говорят, преспокойно собирался обедать, тем более что время было вполне обеденное — около двух часов дня.

Но в этот момент с востока к городку приближались дивизии Мюрата. Увидеть и атаковать неприятеля было для легендарного командира резервной кавалерии делом одного мгновения. Пока драгунские дивизии разворачивались в боевые линии на равнине перед Вертингеном, 60 драгун из дивизии Клейна, ведомые отважным адъютантом Мюрата Экзельмансом, спешившись, атаковали передовые посты австрийцев в деревушке Готтмансхофен и в считанные минуты выбили их оттуда.

Поскольку основная масса австрийцев была отделена от Мюрата речкой Цузам, текущей с севера на юг, то для того, чтобы обрушиться на них, необходимо было овладеть городком Вертинген и находящимся в нем мостом. Эта задача была поручена дивизии Бомона. 9-й драгунский полк, ведомый отважным полковником Мопети, галопом ворвался в предместье, взял мост и ринулся в самый город, рубя направо и налево ошарашенных внезапной атакой австрийцев. Впрочем, после первого шока австрийская пехота пришла в себя, и скоро из всех окон и дверей загрохотали ружейные выстрелы. Драгуны смешались под свинцовым ливнем, но не растерялись. Половина полка тут же спешилась, в дело пошли уже не сабли, а штыки и приклады. Австрийцы подались под напором пеших драгун. Дорога для всадников была проложена. Пока спешные кавалеристы успешно теснили пехоту, вторая половина полка в конном строю, взяв чуть влево, вырвалась из города на равнину и сходу развернулась, чтобы атаковать австрийские батальоны...

В момент, когда драгуны Бомона стремительным натиском брали городок, дивизия Клейна, поднявшись чуть выше по реке, нашла у деревни Рогттен маленький

Иоахим Мюрат (1767—1815). Маршал Империи, в 1805 г. главнокомандующий резервной кавалерией (2 дивизии кирасир, 4 дивизии драгун и 1 дивизия спешенных драгун). В начале кампании носил официальный титул «Заместитель Императора» на театре военных действий. Гравюра XIX в.

мост. Драгуны и шедший с ними 10-й гусарский полк тотчас же воспользовались случаем и, переправившись на противоположный берег, не стали утруждать австрийцев ожиданием, а с ходу обрушились на кирасир в белых колетах. Нужно отметить, что австрийская кавалерия была одной из лучших в Европе. Особенно славились полки кирасир, как слаженностью действий, так и качеством конского состава. Поэтому здесь завязался упорный бой с переменным успехом. Но к французам через переправу подошли все новые и новые эскадроны. В результате австрийские кирасиры были охвачены со всех сторон и с большими потерями отброшены. Таким образом, тыл и правый фланг австрийской пехоты был открыт. С севера на поле боя появились меховые шапки гренадер Удино. Батальоны австрийских гренадер построились в большие каре и стали отступать. Маршал Ланн, едва услышав начавшуюся канонаду, ускориł движение своей пехоты и, смяв авангард Динерсберга, вовремя пришел на помощь Мюрату.

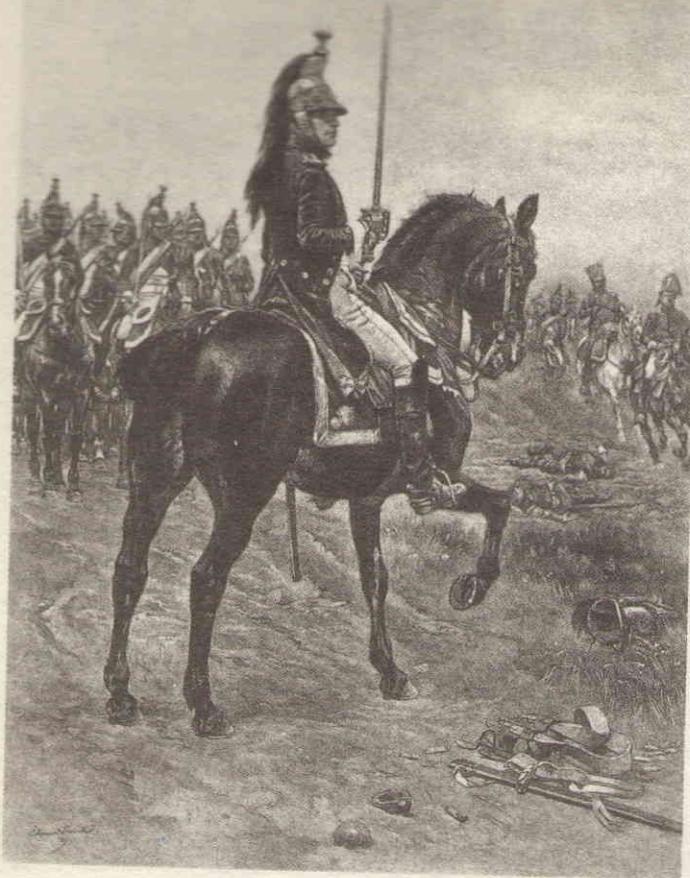
Появление французских элитных частей с севера и атака драгун Клейна с юга парализовало волю к сопротивлению австрийской пехоты. Отважный 9-й драгунский полк вместе с подоспевшими 5-м и 8-м полками из дивизии Бомона, развернувшись в центре и ринулись на австрийские каре. Бешеный напор французов сломил сопротивление австрийских гренадер. Через несколько мгновений их батальоны дрогнули и побежали в лес, стремясь спастись от палашей нападающих фран-

цузских драгун и сабель конных егерей, пришедших с авангардом Ланна.

Отряд Ауффенберга был полностью разгромлен. Согласно австрийским данным (а у нас не вызывает сомнения, что потери какой-либо стороны можно прежде всего оценивать по данным этой стороны, лишь изредка корректируя их по неприятельским источникам) части Ауффенберга потеряли 101 человека убитыми, 233 ранеными, 1469 пленными (всего 1803 человека), а также 3 знамени и 6 орудий. Сам генерал Ауффенберг попал в плен. Вполне доверяя австрийским документам, нужно, однако, заметить, что потери пленными были несколько большими. Кроме того, здесь, видимо, не учтено и некоторое количество разбежавшихся и дезертировавших после боя, потому что на следующий день в отряде оставалось не более 1600 человек (из 4800). Вероятно, цифра, которую приводит в своем рапорте Мюрат — 2200 пленных — не слишком далека от истины. Потери победителя были относительно невелики: около 140 убитых и раненых и... 2 плен-

ных. Скоротечность боя и значительная разница в потерях говорят о том, что бравадный рапорт командующего французской кавалерией императору, написанный вечером на месте боя, был близок к истине: «Ваша кавалерия, Сир, покрыла себя славой; трудно описать энтузиазм, с которым она атаковала, а также энтузиазм храбрых гренадер (Удино — О. С.). Все атаки были совершены с криками: «Да здравствует Император!». Полковники Арриги и Мопети были ранены, ведя в атаку свои полки, первый на неприятельских кирасир, второй — на пехоту...».

Отмечая слаженность действий частей Великой Армии, следует отметить, что идеальные маневры могут быть только на бумаге, а потому и во французских рядах не обходилось без ошибочных маршей, порой курьезных... Дивизия Сент-Илера из корпуса Сульта выступила на рассвете 8 октября вдоль левого берега реки Лех. Как уже говорилось выше, задачей корпуса Сульта было движение в южном направлении, чтобы как можно быстрее отрезать путь отступления армии Макка на восток (через Аугсбург) и затем на юг — в Тироль (через Мемминген). Дивизия уже прошла около 20 км в заданном направлении, когда ее догнал адъютант императора Филипп де Сегюр. Он принес приказ, еще раз подтверждавший направление марша через Аугсбург на Ландсберг. Войска, которым объявили о содержании письма, удвоили свой уверенный шаг. Погода в этот день была хорошая, вышло солнце, и солдаты весело шагали, распевая песни... Так длилось с четверть часа, как вдруг справа ветер стал доносить отзвуки канонады, а еще через некоторое время с той же стороны в поле показался всадник, который гнал что есть мочи своего взмыленного коня по направлению к дивизии. Уже издалека по его почти театрально пышному одеянию Сент-Илер и его генералы узнали адъютанта Мюрата. Запыхавшийся офицер еще издали стал кричать, чтобы остановили войска. Наконец, он подскочил к коман-

Французские драгуны под Вертингенем.
Худ. Э. Деталь.
На рисунке на первом плане изображен младший офицер 5-го драгунского полка. Данный полк в составе дивизии Бомона отличился в бою под Вертингенем. По мысли Наполеона, необходимо было восстановить первоначальную функцию драгун — двуединый род войск, способный вести бой в пешем и конном строю. Однако попытки использовать драгун в качестве и пехотинцев, и кавалеристов не дали положительных результатов. В последние годы Империи французские драгуны, как и драгуны других армий, фактически не сражались.

диру дивизии и сообщил, что принц Мюрата сражается неподалеку отсюда с австрийцами и что ему необходимо срочно помочь. «Это невозможно! — сказал Сент-Илер. — Видите, сударь, вот приказ императора». «А что вы будете делать, если принц будет разбит? Если Макк прорвется?», — не сдавался офицер в пышном ментике. В этот момент орудейный грохот, словно доказывая правоту его слов, удвоился. Сент-Илер остановился на миг в растерянности и, будучи не только отважным в бою, но и готовым взять на себя ответственность в непростой ситуации, после минутного раздумья он решительно скомандовал: «По полкам, головы колонн направо!». Столь же уверенно, как до этого, полки повернули и двинулись на гром пушек прямо через распаханное поле... «Вы видите, — сказал генерал Филиппу де Сегюру, продолжавшему ехать с дивизией, — пушки зовут, и каков бы ни был приказ, я должен идти на этот зов...». Но не прошли войска и четверти часа в этом направлении, как канонада начала стихать, адъютант Мюрата ускакал, откуда и взялся... Сомнения начали обуревать Сент-Илера. «Стой!» — скомандовал он. Снова собрав генералов, проконсультировавшись с адъютантом императора, командующий решил, что все-таки не подчиниться приказу императора, тем более письменному, — слишком большая вольность. Возможно, дивизия, не выполнив его, сорвет какой-либо блистательный маневр, что она потеряет возможность отличиться и т. д. «Итак, господа... головы колонн налево!...» Диви-

зия снова двинулась в первоначальном направлении, но уже не по дороге, а увязая по колено в грязи и чертыхаясь...

Словно дьявол играл в этот день с 1-й дивизией корпуса Сульта. Едва она прошла с километр в южном направлении, как справа, на западе, снова загрохотали пушки, да не на шутку, ветер донес даже треск ружейной пальбы... Теперь невольно заволновалась вся дивизия вместе с Сент-Илером. «Мой бог! — воскликнул он. — Грохот пушек приближается, а мы уходим от него!.. Головы колонн направо!» — скомандовал он после нового размышления, и дивизия двинулась по распаханному полю в сторону Вертингена...

Как читатель может уже догадаться из описания сражения у вышеозначенного городка, все кончилось гораздо раньше, чем туда пришел Сент-Илер. Появление его дивизии через несколько часов после боя было встречено без особого энтузиазма Мюратом и его кавалеристами. Принц холодно побеседовал с командующим 1-й дивизии 4-го корпуса, а несчастные солдаты должны были впотьмах искать место для бивака в эту холодную сырую ночь.

Пока пехотинцы Сент-Илера и Удино, драгуны Клейна и Бомона, кирасиры Нансути, гусары и конные егеря Трейяра искали себе пропитание и устраивали ночлег вокруг Вертингена, в штаб императора в Донауверте один за другим врывались забрызганные грязью с головы до ног адъютанты. Все они сообщали об успешном, хотя и трудном из-за раскис-

ших дорог продвижении корпусов в указанных направлениях, об успехах в авангардных стычках. Конечно же, адъютанты Мюрата не преминули в ярких красках изложить обстоятельства победы под Вертингенем. Из их донесений явствовало также, что австрийцы ничего не предпринимают на левом берегу против дивизий Нея, замедлившего свой марш целью наблюдения за Ульмом, с другой стороны, очевидны были усиленные передвижения неприятеля на правом берегу. Для императора все более очевидным становилось его предположение о том, что Макк будет прорываться напрямик через Аугсбург, оставив Ульм. Следовательно, необходимо собрать как можно быстрее все силы вокруг этого города, перекрыть австрийцам дорогу на восток. Эту задачу должны были исполнить 4-й корпус Сульта, которому необходимо было еще вечером восьмого прийти в назначенное место (Аугсбург), 5-й корпус Ланна, гвардия и резервная кавалерия Мюрата. На помощь этим массам войск должен был быть направлен и 2-й корпус Мармона; Даву и Бернадотту Наполеон предполагал отвести роль заслона против возможного появления русской армии с востока. С другой стороны, невозможно было бросать без дела более чем двадцатитысячный корпус Нея, вместе с которым шла дивизия спешившихся драгун Баратэ д'Илье (около пяти с половиной тысяч человек) и временно приданная дивизия Газана (6800 человек из корпуса Ланна). Император решает, что эти части направятся во фланг и тыл отступающему неприятелю. Для этого им нужно овладеть переправами через Дунай на фланге вероятного расположения австрийцев.

В полночь Бертье составляет распоряжение Нею: «...Одним словом, г-н маршал, вы должны наблюдать за корпусом, находящимся в Ульме... Если он будет двигаться на Аугсбург, вы должны следить за ним, держась на его левом фланге...».

Наиболее удачными местами с точки зрения нанесения флангового удара и форсирования Дуная 6-м корпусом императора и маршал Ней считали, очевидно, переправы у Гюнцбурга. Здесь находилось 4 моста, впрочем, о существовании одного из них не было известно во французском штабе...

В то время, когда корпуса Великой Армии концентрировались для боя с решительным и целеустремленным неприятелем, Макк никак не мог остановиться на каком-либо окончательном решении. В день боя при Вертингене — 8 октября — он собирался было двинуться на Аугсбург, но, узнав о поражении Ауффенберга и появлении крупных сил французов на правом берегу, отказался от этого проекта и вернулся к идее движения по левому берегу. Говоря об этих движениях, историки обычно называют их «отступлением на Аугсбург» и т. д. Курьезность ситуации заключается в том, что в уме Макка эти возможные движения были не отступлением, а стратегическими маневрами контрударами с целью если не полного разгрома французской армии, то по край-

мостом 59-й линейный гусар Бланкенштейна, а затем послал вперед 4 батальона grenadier под командованием генерала Майера. Однако храбрые французские пехотинцы не отходили ни на шаг, тем более что с наступлением темноты к ним начали подходить подкрепления. «...Мы нашли полк в сильном беспорядке, — вспоминает Фезенсак, тогда сублейтенант 59-го, — он отразил атаки кавалерии, находился под сильным огнем пехоты. Этот день делает ему честь...».

Гусар французской армии в кампанию 1805 г. 1-й полк в период Ульмской операции был придан дивизии Дюпона. Отличился в бою под Хаслахом. По рис. худ. Бенины.

В наступившей темноте бой затих. Потери обеих сторон говорили о том, что борьба была упорной. Австрийцы потеряли около 800 человек убитыми и ранеными, оставив в руках французов около тысячи пленных (часть — утром во время отступления). Дивизия Малера также понесла серьезный урон, вероятно, около 200—300 человек. Среди убитых был и отважный полковник Лакюз, сраженный пулей в момент атаки. Его похоронили с воинскими почестями на следующий день на месте боя...

Невообразимо, но это произошло. Одна дивизия, а точнее, один полк отобрал переправу под носом у главных сил австрийской армии, причем их главнокомандующий находился в самом Гюнцбурге. Чем занимался этот почтенный генерал в момент боя? Быть может, он испугался французских пуль и штыков?.. Будем объективны, генерал Макк был не из трусов, и всего через день он это докажет со шпагой в руке. Впрочем, предоставим слово ему самому: «...Я занимался тогда составлением приказа для ночного форсирования Дуная, со всеми полагающимися подробностями; этот приказ был написан на восьми страницах, в которых нельзя было бы найти ни одной лишней строчки.

Понятно, что он поглотил все мое внимание и мои мысли...». В то время, когда неприятель отбивает переправы, как раз необходимые для «ночного форсирования», Макк невозмутимо пишет приказ «со всеми полагающимися подробностями»... Это невообразимо, но это так. Самое потрясающее в том, что австрийский главнокомандующий позже оценил захват французами мостов у Гюнцбурга как событие, «действительно ужасное, решительно роковое» (!), не оторвавшись тем не менее от аккуратных строчек приказа...

Но вернемся на стратегическую шахматную доску. 10 и 11 октября можно поистине назвать днями всеобщей путаницы. Вступившие повсюду в боевой контакт армии стали куда менее ясно различать контуры расположения и перемещения неприятеля. Растерявшийся после боя у Гюнцбурга, Макк отвел значительную часть своих войск к Ульму. Наполеон также на некоторое время потерял точное видение противника. Дело в том, что император, как уже говорилось, судил о противоборствующей стороне на основании строгой логики, вполне применимой к действиям умелого и храброго полководца. Поэтому он предполагал, что поставленные в опасное положение обходо: превосходящих сил австрийцы будут выходить из него только тремя возможными способами: прорываться назад, на восток, напрямую через Аугсбург; уходить из-под удара на юг, в Тироль; прорываться на северо-восток по левому берегу Дуная. Сам Наполеон предпочел бы первый путь, и поэтому прежде всего он готовился к противодействию подобным движениям австрийцев. Второй, куда более безопасный для армии Макка, был крайне невыгоден стратегически, так как он увел в сторону от театра военных действий, надолго исключая возможность ее участия в войне. Наконец, третий Наполеон считал слишком дерзким, и потому не особенно опасался его.

10 и 11 октября никаких новостей о движении австрийцев на прорыв не поступило. Равным образом спокойствие Ней на левом берегу и тем более достаточно легкое овладение мостами под Гюнцбургом подтверждало, что неприятель безразличен как к левому берегу Дуная, так и к переправам, за которые он должен был бы стоять до последнего в случае принятия им третьего варианта. Отсюда с очевидностью вытекало, что противник принял второй, самый осторожный вариант, и что он уходит в Тироль. Он выскользнул из-под удара... Что ж, нужно использовать ситуацию такую, какая она есть... Приказы, отданные императором 10—11 октября, можно резюмировать следующим образом. Великая Армия делится на три группы корпусов. Первая, из корпуса Бернадотта и баварцев, должна преследовать Кинмайера и освободить столицу Баварии — Мюнхен. Вторая, из корпусов Ланна, Нейя и части резервной кавалерии под общим командованием Мюрата, должна «держать шпагу в спину» отступающего Макка. Третья, самая большая, из корпусов Сульта, Даву, Мармона, двух дивизий пешей кавалерии

и гвардии, должна занимать центральное положение до дальнейшего выяснения обстановки. Австрийцы оставили только лишь гарнизон, а сами уходят на юг, стал он, как явствует из приказа Нейя отданного 10 октября: «Теперь осталось овладеть Ульмом... Его Величество оставляет за Вами право действовать как Вам сочтете нужным для достижения этой цели... Непосредственно после взятия Ульма... Вы направитесь на Мемминген или в любое другое место, куда будет ступать неприятель, следуя за ним пятаям. Так как император отправляет в Мюнхен, куда наши войска прибывают этим вечером, он поручает командовать всем правым крылом, состоящим из корпуса Ланна, Вашего и кавалерийского резерва, принцу Мюрату...».

Известный русский военный историк и теоретик Леер очень верно заметил, говоря о Макке: «...Если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового. Наполеону и в голову не могло прийти, что австрийцы не предпринимают экстремных мер в катастрофической для них ситуации. Макк, который именно в эти дни (10—11 октября) получил от своего государя подтверждение своих фактически полномочий главнокомандующим вместо стремительных маршей топтал на месте. 10 октября его войска сконцентрировались в Ульме, а в ночь с 11-го решил их вновь перегруппировать и начать новый маневр, на этот раз опять по левому берегу...».

В этот момент дивизия Дюпона, сопровождаемая бригадой драгун и гусарским полком (в общей сложности около 6400 человек при 14 орудиях), спокойно продвигалась в направлении крепости Утром 11-го вместе с приказом о выступлении Дюпон получил рекомендации Нейя, советовавшего своему дивизионному командованию застаться лестницами на случай штурма. «Враг поражен ужасом, которого мало примеров, — писал маршал, — отступает на Бибергах, чтобы спастись в верхнем Тироле...». Впрочем, на всякий случай Нейя отдал приказ дивизии пешей драгун Барагэ д'Илье (около 4500 человек) поддерживать движение Дюпона. А адъютант, который должен был доставить приказание в лагерь Барагэ д'Илье, сбился с дороги и заблудился в уже известных нам болотах, где плутов 9 октября Лефоль. В результате незадачливый офицер доставил приказ лишь около 11 часов дня. Драгуны Барагэ д'Илье были рассеяны по отдаленным bivouacs и дивизия смогла выступить только 16 часов.

Таким образом, в полдень, когда Дюпон приближался к Хаслаху, небольшая деревушка, лежащая километрах в шести севернее Ульма, он со своей дивизией был совершенно один. Каково же было его удивление, когда гусары донесли, что навстречу из долины, где лежит Ульм, поднимаются многочисленные австрийские полки, быть может главные силы армии, с сильной артиллерией и кавалерией!..

(Окончание следует).

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ ГЕРОЯ 1812 ГОДА

В 1983 г. музей «Приютино» приобрел два парных акварельных портрета, происходивших, по словам последней владелицы, из собрания Олив. На одном из портретов изображена дама, одетая по моде 30-х годов прошлого века, на другом — генерал, у плеча которого, под эполетом, — монограмма «R» и дата «1836». Военные реалии позволяли рассчитывать на установление личности генерала; в нем можно было предположить, пользуясь словами Пушкина, одного из

«...начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года».

Художник запечатлел убедленного сединами пожилого человека в общегенеральском мундире образца 1829—1855 гг. Отсутствие звездочек на его эполетах означает, что перед нами — «полный» генерал: в 1827 г. было предписано ношение определенного количества звездочек на эполетах всех военных чинов, кроме капитана, полковника, а также генерала от инфантерии, кавалерии, артиллерии и инженер-генерала.

Его высокому воинскому званию соответствуют отчетливо «читающиеся» на портрете награды. Красная лента через левое плечо и наполовину прикрытая ею звезда являются знаками ордена Св. Александра Невского. Под звездой этого ордена изображена звезда ордена Св. Владимира, которая вместе с Владимирским крестом на шее генерала составляет знаки второго класса. Над крестом ордена Св. Владимира — крест ордена Св. Георгия 3-й степени.

Под этими крестами — Анненский крест, обозначающий, в отличие от них, не 3-ю, а 2-ю орденскую степень. Но строгая иерархия, установленная в русской наградной системе, не позволяла кавалеру Анны 2-й степени получить ордена Александра Невского и Владимира 2-го класса, не удостоившись ордена Св. Анны высшего класса, который уступал им по значению. В то же время известно, что при награждении кавалера ордена Св. Анны 1-й степени орденом Св. Александра Невского Анненская звезда снималась, а крест переносился с чресплечной ленты на шейную. Правило это, введенное еще в XVIII в. и закрепленное статутом ордена Св. Анны 1845 г., иллюстрирует обширная иконография. Классическим примером может служить, в частности, знаковый каждому с детства портрет Г. Р. Державина, исполненный В. Л. Боровиковским в 1811 г. Орден Анны 1-го класса, лента которого, по воспоминаниям поэта, была «возложена» на него Павлом «в первый день 1798 или 1799 г.», обозначен на

Еремей Яковлевич Савоини. Художник-монограммист Р. Бумага, акварель. 1836. Музей «Приютино».

этом портрете крестом на шейной, а не на чресплечной ленте. Анненской звезды на мундире Державина нет, ибо в день коронации Александра I в 1801 г. Державину был пожалован орден Александра Невского,¹ изображенный Боровиковским

Гавриил Романович Державин. Портрет работы В. Л. Боровиковского. Холст, масло. 1811. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

наряду с орденами Св. Иоанна Иерусалимского и Св. Владимира 2-го класса.

Следовательно, Анненский крест на шее генерала нужно рассматривать как знак ордена Св. Анны 1-й, а не 2-й степени. На груди у генерала — колодка из креста и трех медалей. Золотой крест со скругленными концами, на георгиевской ленте, является одной из двух наград, учрежденных в ходе турецкой войны 1787—1791 гг. за отличие при взятии Очакова в 1788 г. и при штурме Измаила в 1790 г. Кресты эти имели схожие очертания, и определить, очаковская это награда или измайльская, невозможно, тем более что изображена она не вполне верно: у обоих крестов центральный медальон был не круглым, как у креста на приютинском портрете, а овальным.

Вслед за золотым крестом в колодке расположены серебряные медали в память Отечественной войны 1812 года (на андреевской ленте) и в память вступления российских войск в Париж (на андреево-георгиевской ленте), за ними — бронзовая медаль в память 1812 года (на владимирской ленте).

Таким образом, задача установления личности неизвестного, запечатленного на портрете, сводилась к отысканию среди полных генералов, служивших в русской армии в 1836 г., кавалера орденов Св. Александра Невского, Владимира 2-го, Анны 1-го и Георгия 3-го классов, имеющего золотой крест за Очаков или Измаил и медали за 1812 и 1814 гг.

Как выяснилось, этим сочетанием наград среди полных генералов в 1836 г. обладал лишь генерал от инфантерии Еремей Яковлевич Савоини² — участник более чем двадцати сражений турецких войн 1787—1789, 1806—1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 и 1814 гг.³

Джеронимо Савоини родился 1 мая 1766 г.⁴ во Флоренции. Приглашение соотечественника, впоследствии известного адмирала И. М. де Рибаса, побудило его семью покинуть Италию и переселиться в Новороссийский край. Поступив в 18 лет на русскую службу сержантом, Савоини навсегда связал свою судьбу с Россией.

Боевое крещение он получил в сентябре 1789 г. при штурме Хаджибейской крепости, на месте которой была позднее основана Одесса, и за отличие, на седьмом году службы, был произведен в офицеры. Но прапорщиком Савоини не прослужил и двух месяцев: участие в штурме Измаила принесло ему чин поручика и первую боевую награду — золотой измайльский крест со свидетельством за подписью Суворова.

Ермей Яковлевич Савоини. Мастерская Дж. Доу. Холст, масло. Между 1819 и 1828. Военная галерея Зимнего Дворца. Государственный Эрмитаж.

В новую войну с Турцией (1806—1812) Савоини вступил уже опытным штаб-офицером, и в 1808 г. был назначен командиром Ладожского пехотного полка. Савоини сочетал решительность и энергию талантливого военачальника с хладнокровием и отвагой испытанного бойца. Эти достоинства он в полной мере проявил в решившем судьбу Бухареста сражении при Фрасине 29 августа 1809 г. «Я бы мог понести большие потери, — вспоминает в своих мемуарах А. Ф. Ланжерон, — если бы не редкая твердость и предприимчивость батальона Ладожского полка и его храброго командира майора Савоини, которые спасли дело, приняв весь удар на себя. Всякий другой батальон, менее стойкий на войне, мог быть опрокинутым и разбитым... Батальон Ладожского полка быстро перешел как мост, так и ручей и, заняв небольшую площадку на большой дороге в Бухарест, перестроился в каре, где и был атакован турецкой конницей с такой злобой, какую я редко видел у турок. Босняк-ага, командовавший этим отрядом, смотрел на солдат этого батальона уже как на погибших. Босняк кидался в атаку пять или шесть раз, но всегда безуспешно. Трое турок, занесенные своими лошадьми вовнутрь каре, моментально погибли под ударами штыков. В течение часа этот храбрый батальон, окруженный турками, отбивал все нападения. Уже были израсходованы все патроны, но ни один человек не дрогнул. Майор Савоини, вполне достойный командовать такими солдатами, находился верхом среди каре, наблюдая за всеми, думая обо всем, руководя всем и, подбадривая солдат, обещал скорую помощь, которая действительно скоро и явилась. В батальоне было уже 100 убитых и раненых, и ряды пустели, но потери турок были громадны».⁵

Владимир 4-й степени с бантом, тяжелая контузия и производство за отличие в следующие чины, Георгий 4-го класса, золотая шпага «За храбрость»

и Анна 2-й степени — вот итоги этой войны для подполковника Савоини. Но мир, последовавший за Бухарестским договором, подписанным Россией и Турцией 16 мая 1812 г., не продлился и месяца: 12 июня Наполеон перешел через Неман...

Отечественную войну Савоини начал командиром бригады 26-й пехотной дивизии И. Ф. Паскевича, входившей в 7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского.

В битве при Бородине задачей 26-й дивизии была защита батареи Раевского. Видя в ней ключевой пункт русской позиции, Наполеон двинул на штурм огромные силы. «Долго при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, — писал позднее А. П. Ермолов, — но при находящихся в нем восемнадцать орудиях не было уже ни одного заряда, и угасший огонь их облегчил приближение французов». Вражеским колоннам бригадного генерала Бонами удалось ворваться в укрепление — на батарее закипел жестокий рукопашный бой. Знаменитая атака Ермолова вернула редут русским. «По занятии возвышения, — вспоминает Ермолов, — я приказал бить сбор, и ко мне явился раненый полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов».⁶ Горсть уцелевших защитников батареи была сменена дивизией генерала П. Г. Лихачева, которой еще предстояло погибнуть на кургане. «Простреленного полковника 26 дивизии Савоини», как называет его в своих записках Денис Давыдов,⁷ отправили на лечение в тыл; бедро его было раздроблено картечью, пуля контузила локоть...

Через два месяца Савоини вернулся в свою дивизию генерал-майором, произведенным в это звание «за особую храбрость», проявленную при Бородино. Уже в ноябре, вновь встретившись с неприятелем в боях близ деревни Жерновка и при Красном, Савоини снова был удостоен «золотого оружия» — шпаги с алмазами и надписью «За храбрость». В последние дни 1812 г., преследуя французов, Савоини со своей дивизией перешел через Неман. Кампанию 1813 г. бригада Савоини начала в Польше, осаждая стратегически важную крепость Модлин; затем, пройдя через Пруссию и Богемию, с боями продвигались к Дрездену. В сражении при Дрездене Савоини заслужил орден Св. Анны 1-го класса. После «Битвы народов» и штурма Лейпцига к его наградам прибавился орден Св. Владимира 3-й степени: командир корпуса Д. С. Дохтуров доносил главнокомандующему, что в атаке на городские укрепления Лейпцига, предпринятая полками 26-й дивизии, «особенно отличился мужеством и хладнокровием генерал-майор Савоини».⁸ Далее военная судьба вела Савоини через Магдебург и Гамбург, где состоялся ряд тяжелых боев.

5 февраля 1814 г. Савоини, приказом Дохтурова назначенный командиром отдельной штурмовой колонны, захватил отчаянно оборонявшийся французами остров Вильгельмсбург и сжег мост через Эльбу, связывавший с Гамбургом крепость Харбург. Во время приступа Виль-

гельмсбурга Савоини спас жизнь отпавшему подполковнику Карлу Ивану Теннеру — выдающемуся военному геодезисту и ученому-астроному. Генерал не думал тогда, что спасает от смерти того, кому впоследствии отдаст руку единственной дочери... Через три недели, ожесточенном сражении Савоини взял французские укрепления при Тифенстоке на острове Бильвердер. За Вильгельмсбург и Тифенсток Савоини был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. «Во всех делах, — свидетельствует А. И. Михайловский-Данилевский, — Савоини ходил впереди своих колонн и всегда один из первых всходил на неприятельские валы».

По окончании наполеоновских войн Савоини командовал дивизией, потом корпусом. За службу, по-прежнему усердную и ревностную, он был пожалован орденом Св. Владимира 2-го класса (1822) и орденом Св. Александра Невского (1830). В 1833 г. Савоини был произведен в генералы от инфантерии. Скончался он до конца своей жизни; Ермей Яковлевич Савоини скончался в Петербурге 7 апреля 1836 г., не дожив трех недель до своего семидесятилетия и не увидев внука, родившегося на другой день и унаследовавшего его имя. Похоронен Савоини на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге.

Могилу его найти не удалось; разбить потомков Савоини оказалось легким делом. Генерал оставил вдову — Людвигу Давыдовну, сына Александра, корнета лейб-гвардии Уланского полка и дочь Екатерину, вышедшую замуж за К. И. Теннера. Мужская ветвь потомков Е. Я. Савоини, видимо, пресеклась на Александре, у Екатерины было три сына и три дочери. Фамилия Теннер встречается на страницах разнообразных справочников первых лет нашего столетия, далее следы Теннеров теряются. Но в генеральном каталоге Публичной библиотеки М. Е. Салтыкова-Щедрина неожиданно обнаружилось библиографическое сведения о сборнике научных трудов по природному сырью Кольского полуострова, изданном в Ленинграде в 1972 г. под редакцией Д. Д. Теннера.

К вящему удивлению, служба «09» заведовательно выдала мне его телефоны. Прошу к телефону Дмитрия Дмитриевича.

— Дмитрий Дмитриевич умер два года назад.

Приношу свои извинения. Спрашивал не был ли он сыном Дмитрия Эдуардовича Теннера, генерал-майора?

— Был.

— Но ведь Дмитрий Эдуардович был внуком...

— ...астронома и геодезиста Карла Теннера.

— А Вам известно, что Карл Иванович был зятем...

— ...генерала Савоини, героя 1812 года? Да, конечно.

Так состоялось знакомство с потомками Е. Я. Савоини в пятом поколении — Галиной Дмитриевной Голицынской, преподавателем, и архитектором Дмитрием Александровичем Бутыриным. В семидесятилетнем возрасте я встретил

Знак (крест) ордена Св. Александра Невского. Музей А. В. Суворова.

Г. Д. Голицынской сохранился датированный 1836 г. «Формулярный список о службе и достоинстве генерала от инфантерии Савоини», довершающий несколькими выразительными чертами образ

Знак (крест) ордена Св. Владимира. Музей А. В. Суворова.

Знак (крест) ордена Св. Георгия. Музей А. В. Суворова.

Знак (крест) ордена Св. Анны. Музей А. В. Суворова.

самоотверженного и бескорыстного воина.

Так, из этого документа следует, что вся недвижимая собственность заслуженного генерала, долгие годы командовавшего полком, бригадой, дивизией и корпусом, состояла в «одном небольшом каменном доме» в Одессе. Значительная часть долга по ссуде, предоставленной Савоини правительством, была погашена казной, «в уважении отлично-ревностной службы и весьма недостаточного состояния»... Эти факты — яркое свидетельство безукоризненной честности безродного итальянца, родовитые современники которого нередко переходили из гвардии в армию специально для того, чтобы, командуя полками, бригадами и дивизиями, «доходами с них поправить свои пошатнувшиеся дела».¹⁰

Не менее красноречиво о «службе и достоинстве» Савоини говорит и та строка его послужного списка, из которой явствует, что за полвека, проведенные им в строю, в «домовых отпусках» он не бывал ни разу.

В его формуляре есть и другая знаменательная запись: «По-русскийски,

итальянски, по-французски читать и писать умеет». В отличие от многих иностранцев на русской службе, Савоини приобщился к языку и культуре своей второй родины. В 1821 г. он принял русское подданство; надпись на его могиле была исполнена на русском языке.

Но вернемся к приютинским портретам. Судя по возрасту той немолодой дамы, черты которой запечатлены на акварели, парной портрету генерала, на ней изображена его жена Людвиг Даниловна Савоини. Ей довелось немало пережить мужа: один из документов архива Г. Д. Голицынской позволяет заключить, что Л. Д. Савоини умерла не ранее 1850 г. После ее смерти портреты, очевидно, перешли к Екатерине Еремеевне Теннер. Д. А. Бутырин, знаток семейной генеалогии, сообщил, что в конце прошлого века Теннеры породнились с Оливами: правнук генерала Савоини Дмитрий Эдуар-

дович Теннер (1869—1921) женился на Наталье Вивияновне Олив (1879—1952). После этого, по всей вероятности, портреты и оказались в собрании семьи Олив, на которое указывает их последняя владелица.

Произведенный в генералы за Бородино, Савоини оказался в числе тех подвижников 1812 г., чьи портреты должны были украсить собою Военную галерею Зимнего дворца. Эрмитажный и приютинский портреты обнаруживают несомненное сходство, хотя живописный портрет, вышедший из мастерской Дж. Доу, выполнен по меньшей мере двенадцатью годами ранее акварельного: Доу покинул Россию в 1828 г.¹¹ На портрете из собрания «Приютина» Савоини выглядит несколько моложе своих лет, но достоверное свидетельство современника позволяет думать, что художник, имя которого скрыто под монограммой «R», проник во внутренний мир своей модели глубже, чем автор портрета Военной галереи.¹² «Справедливый и строгий исполнитель своих обязанностей, Савоини умерял добротой врожденную строптивость своего нрава и снискивал тем уважение и привязанность своих подчиненных. Наружность его носила отпечаток итальянского происхождения. Большие черные глаза блистали отвагою и решимостью, а правильные черты лица были всегда оживлены. Преждевременные седины покрывали его голову, много раз носимую им в бой за Россию. До предсмертной болезни своей он всегда сохра-

Золотые офицерские кресты за участие в штурме Измаила и Очакова. Музей А. В. Суворова.

нял бодрость духа, и движения его были живые и быстрые».¹³

Портрет в Военной галерее Зимнего дворца долгое время считался единственным оригинальным изображением Е. Я. Савоини. Акварель из собрания музея «Приютино» становится еще одним памятником в иконографии героев великой эпопеи 1812 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 203, 213.

² Месяцослов и общий штат Российской империи. Т. 1. СПб., 1836. С. 157. Личность генерала была установлена в результате сплошного просмотра этого издания.

³ Подробнее о Е. Я. Савоини см.: Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники. Т. II. СПб., 1845. [очерк «Е. Я. Савоини». С. 1—5]; Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. № 244. С. 215—216. Формулярный список за 1832 г., в сокращении. Сведения о Е. Я. Савоини, приводимые ниже без ссылок на источники, почерпнуты в этих изданиях. См. также: Колобакин Б. Савоини Е. Я. Русский биографический словарь. «Сабанев — Смыслов». СПб., 1904. С. 35—38.

⁴ Саитов В. Петербургский некрополь. Т. IV. СПб., 1913. С. 11. Все даты приводятся по старому стилю.

⁵ Ланжерон А. Ф. Сражение при Фрасине // Историческая летопись. 1916. № 10. С. 976.

⁶ Ермолов А. П. Записки. Ч. 1. М., 1865. С. 199.

⁷ Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 198.

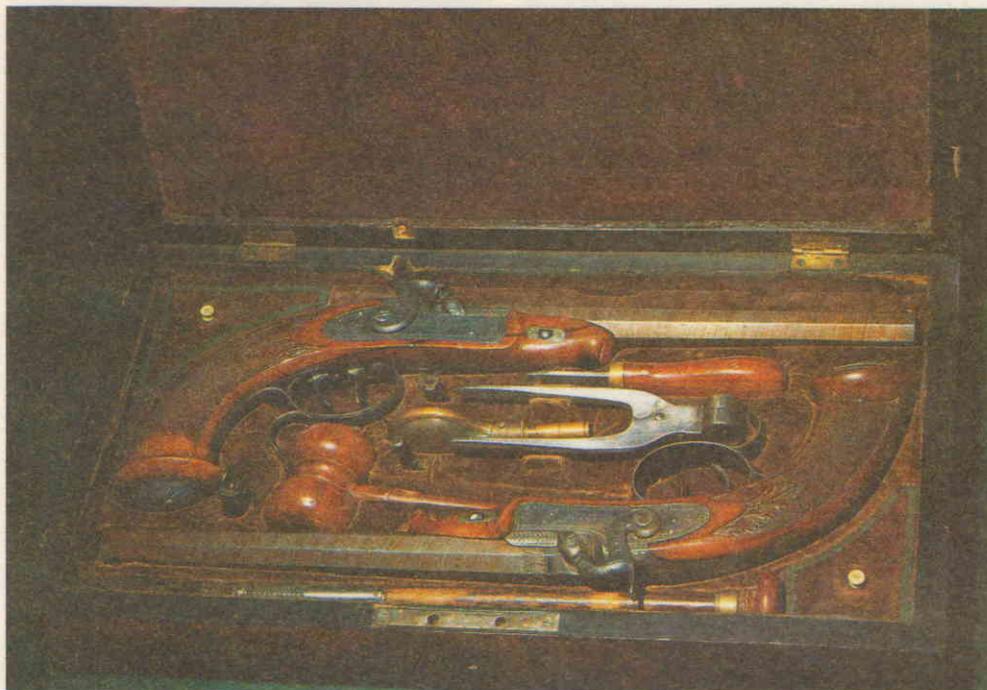
⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 4.

⁹ На церемонии производства 6 декабря 1833 г. присутствовал А. С. Пушкин, сделавший запись об этом в своем дневнике. См. об этом: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XII. М.; Л., 1937—1959. С. 317.

¹⁰ Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 27.

¹¹ На приютинском портрете Савоини изображен с усами, ношение которых пехотным офицерам и генералам не разрешалось до 1832 г.

ПИСТОЛЕТЫ ДЕКАБРИСТА?

Пистолеты А. М. Искрицкого. Общий вид. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Среди немногочисленных предметов оружия, хранящегося во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге, привлекает внимание пара дуэльных капсюльных пистолетов, вышедших из мастерской выдающегося пражского оружейника Антони Винсента Лебеде.

Лебеда родился в Черношах в 1797 г. и поступил в Смихове в обучение оружейному ремеслу. В 1820 г. прибыл в Прагу и уже через год продемонстрировал свое мастерство чешским старшинам города Праги. 22 февраля 1822 г. комиссия признала Лебеда мастером. Вскоре он стал специализироваться на изготовлении капсюльных замков, обогатив их своими изобретениями и усовершенствованиями. Его заказчиками были представители не только местного панства, но и большое количество состоятельных людей в Польше и России. В 1828 г. Лебеда получил привилегию на изготовление капсюльных замков и в том же году его работы впервые были представлены на Пражской международной промышленной выставке. На выставке 1829 г. изделия этой фирмы были отмечены большой серебряной медалью.

С 1848 г. мастерская Лебеде успешно конкурировала с другими европейскими оружейными фирмами. Изготовленное в ней оружие преподносилось австрийскими дипломатами в подарок английскому королю и русскому императору. В 1852 г. Францем Иосифом I мастеру был пожалован титул «поставщика двора Его Императорского Величества». В 1854 г., почувствовав накопившуюся уста-

лость, Лебеда передал завод своим сыновьям Антониу и Фердинанду и отошел от дел.

Умер он в Праге 2 июня 1857 г.¹

Пистолеты из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина носят характерные черты, свойственные оружию, вышедшему из мастерской Лебеде. Там была создана особая, так называемая пражская, гравировка, состоящая из арабесок, растительного орнамента и изображения зверей.² Лебеда владел собственной гравировальной мастерской, среди работников которой был такой знаменитый гравер как И. Л. Котнер, работавший по эскизам Жозефа Навратила и других известных художников. Известно также, что Лебеда

Герб рода Искрицких.

датировал свои работы на внутренней части механизма или ствола.³ Разобрав пистолет, мы обнаружили на стыке ствола и хвостовика дату изготовления — 1831 год.

История этих пистолетов, к сожалению, не может быть прослежена полностью: они поступили в собрание музея из ОБХСС. Тем не менее определить их первого владельца возможно, так как герб его врезан в рукоять пистолетов. Щит герба разделен горизонтально на две части. В верхней половине в золотом поле помещен государственный орел с «вензелевым именем» Павла I, что является знаком Высочайшей милости. В нижней половине на лазоревом поле стрела, вертикально воткнутая в землю.

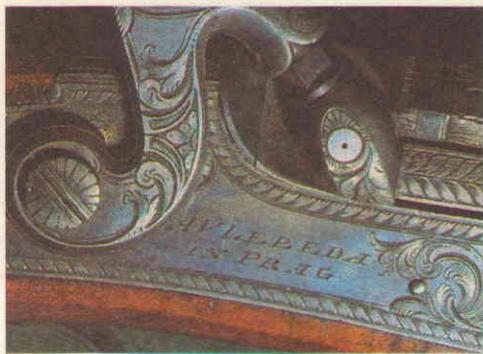
В шестом томе гербовника,⁴ на странице 154, был найден точно такой же герб, как и на пистолетах. Согласно пояснению, верхняя часть герба пожалована коллежскому секретарю Искрицкому 13 декабря 1800 года.

А. М. Искрицкий родился в 1782 г., выслужил чин коллежского секретаря и получил должность обер-секретаря Сената.

Был ли Александр Михайлович владельцем пистолетов? Судя по дате изготовления, принадлежать они могли уже его сыновьям, ибо сомнительно, чтобы в 50 лет человеку пришла в голову фантазия дуэлировать.

Искрицкий имел трех сыновей, унаследовавших его герб. Никто из других ветвей рода, кроме прямых потомков Александра Михайловича, права на этот герб не имел. Старший сын Михаил, родившийся в 1802 г., был человек сугобо мирный. В 1828 г. он закончил Александровский Царскоевский лицей и своей земной путь завершил, как и отец, в чине коллежского секретаря и имея придворное звание камер-юнкера. Кроме того, он был еще и членом Харьковского попечительного о тюрьмах комитета.⁵ Его миролюбие подчеркивается постоянно, а посему, как кандидат в обладатели пистолетов, он нам не подходит.

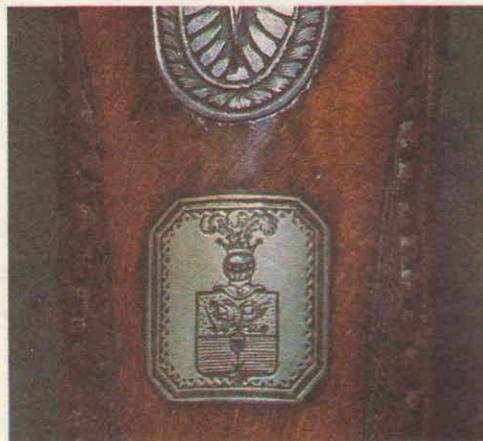
Средний сын Демьян родился в 1803 г. Известен как декабрист. Воспитанник иезуитского пансиона, в 1820 г. вступил в службу колонновожатым в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. С 1821 г. — прапорщик. С 1821 г. — в Штабе Гвардии. В марте 1825 г. — подпоручик, а в декабре «назначается стоять» при училище колонновожатых в Петербурге. Был членом Священной артили, Союза благоденствия, Северного общества. В восстании участия не принимал, хотя находился на площади в толпе зрителей. Арестован он был 29 января, как предполагают, по доносу дяди (по материнской линии), которым был не кто иной как Фаддей Венедиктович Булгарин. Просидев 6 месяцев в Петро-

Клеймо на пистолете.

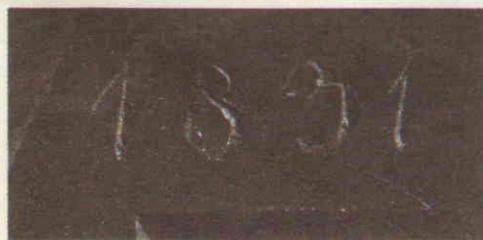
павловской крепости, был тем же чином отправлен в Оренбургский гарнизон. Затем переведен в 42-й егерский полк на Кавказе, где и принял участие в русско-турецкой войне 1828 года. Умер в местечке Царские Колодцы в 1831 г. — т. е. в год изготовления пистолетов.⁶ Как бы ни хотелось иметь в коллекции нашего музея пистолеты «учтенного» декабриста, совпадение даты смерти и изготовления пистолетов не позволяет нам считать его возможным владельцем.

У Александра Михайловича был еще и младший сын Александр, который родился в 1806 г. В 1823 г. он вступил на службу колонновожатым. Вместе с братом Демьяном участвовал в русско-турецкой войне, будучи квартирмейстером 18-й пехотной дивизии. После войны назначается помощником начальника библиотеки Генерального Штаба. За первые опыты стенографии был отмечен Николаем I. В 1839 г. становится членом археологической комиссии Военного министерства, созданной для разбора древних актов из архива министерства. 15 августа 1840 г. А. А. Искрицкий был назначен начальни-

Герб рода Искрицких на рукояти пистолета.

Дата на стволе пистолета.

ком архива военно-топографического депо. 29 августа 1848 г. с этой должности он вышел в отставку в чине генерал-майора. Умер в 1867 г.⁷

Необходимо отметить, что практически всюду — кроме службы, разумеется — братья Александр и Демьян были неразлучны. Об этом недвусмысленно говорится в записках М. А. Бестужева:

«По воскресениям нанималась четырехколесная карета, которая должна была везти к Ивану Александровичу Яковлеву на Васильевский остров в Загубин переулочек меня, двух Искрицких, Чевкина и Галямина. Карета ожидала на сборном пункте у Искрицких, живших вместе с Чевкиным у Синего моста. В декабре 1825 года в воскресенье я нашел на сборном пункте Александра Искрицкого и Галямина. Чевкин и Демьян Искрицкий, служившие при корпусном штабе, еще даже на обед не возвращались».⁸ Даже объясняя, где жил Рылеев, Бестужев уточняет: «...через несколько домов от Искрицких».⁹

Не исключено, что и на площади братья были вместе, но одного дядя выдал, а другого нет. Таким образом, Демьян попал в «учтенные декабристы», а Александр не попал.

Так, с большой долей достоверности, можно утверждать, что находящиеся в музее пистолеты принадлежат брату декабриста, человеку, близкому к декабристскому движению, внесшему вклад в развитие отечественной археологии, стоявшему у истоков отечественной стенографии — генерал-майору Александру Александровичу Искрицкому.

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ *Letošnikova L. Clovecké zbraně v Čechach. Praha, 1980.*

² *Lugs L. Hand-fenerwaffen. Praha, 1956. Bd. I. S. 68.*

³ *Letošnikova L. Op. cit. S. 188.*

⁴ «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». СПб. Т. 6. С. 154.

⁵ Памятная книжка Имп. Александровского Лицея. СПб., 1886. С. 135.

⁶ Декабристы. Биографический справочник. М., 1982. С. 74—75.

⁷ Российский биографический словарь. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 149.

⁸ *Бестужев М. А. «Записки» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 232.*

⁹ Там же.

А. Г. ШЛЫКОВ

К НАМ ПРИЕХАЛИ... УЛАНЬ!

Смело можно сказать: подобного Набережные Челны не видели уже лет сто пятьдесят! Сверкающие на солнце штюки лейб-гренадеров, гарцующие уланы в синих мундирах, меховые шапки наполеоновской гвардии, казаки, егеря... Блеск и звон амуниции, непривычные слуху советского обывателя команды: «Слу-ушай!.. Глаза направо!.. На-краул!... Как в добрые старые времена.

А заглянуть на полтора века назад помог челнинцам слет военно-исторических клубов России, проводившийся 18—19 мая в нашем городе в рамках 1-го фестиваля славянской культуры. Стараниями энтузиастов, объединенных любовью к истории русской армии, зрители смогли увидеть формулу лейб-гренадер, Литовского (Московского) уланского полка из Москвы, того самого, где служила знаменитая «кавалерист-девица» Надежда Дурова; мундиры егерей, гренадеров, артиллеристов, словно сошедших с картин Рубо...

После освящения знамени и торжественного молебна в Свято-Вознесенском соборе, участники слета прошли маршем через весь город, чтобы на последнем бивуаке торжественно поднять флаг слета. А на следующий день, возложив венки к могиле воинов-челнинцев, павших во Второй Мировой, члены клубов продемонстрировали зрителям свое знание воинских артикулов. Были тут и лихие атаки конницы на пехотное каре, и фехтование, и приемы с оружием, и... «раздача винной порции», вызвавшая у присутствовавших, как говорится, «дополнительные эмоции».

Слет закончился, как и все праздники, слишком быстро. Воины в старинных мундирах разъехались: кто в Москву, кто — в Казань. Хотелось бы надеяться, что ненадолго. Что когда-нибудь мы снова сможем увидеть живую историю Российского воинства на берегах Камы.

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ В РОССИИ

(Страницы из будущей книги)

В красочном и разнообразном мире игр и игрушек постоянной любовью и популярностью пользовались и пользуются культурно-исторические фигурки, которые в отечественной обиходной речи называются просто солдатиками. При этом сами фигурки совсем не обязательно должны представлять собой воинов. Они могут изображать торговцев и ремесленников, актеров и придворных и многое, многое другое... Фигурки изготавливались из самых разных материалов: глины и дерева, бумаги и жести. Но «королевское» место на столе для игры или на полу занимали оловянные солдатики. Правда, во второй половине XX века их существование потеснили пластмассовые фигурки.

Оловянные солдатики-игрушки были и продолжают оставаться предметом коллекционирования. С их помощью делают панорамы и макеты-реконструкции различных исторических событий. Во многих музеях мира они занимают достойное место. Обо всем этом еще будет возможность поговорить подробней. Пока же представим нашим читателям некоторые материалы к истории солдатиков-игрушек России.

«Под именем галантерей разумелись в то время [в середине XVIII века — Г. В.] игрушки всякого рода с хитропридуманными механизмами, которыми единственно торговал в Петербурге Дозер, имевший нюрнбергскую лавку еще в царствование Анны Иоанновны, в доме католического монастыря доминиканцев, на Невском, где лавки нюрнбергские существовали до половины прошлого столетия. Не тогда ли Дозер привез

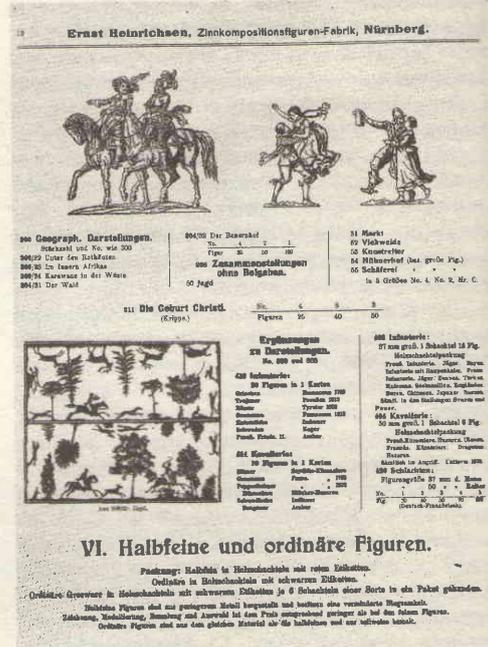
Фигурки из собрания музея Суворова.

Титульный лист каталога фирмы оловянных солдатиков Э. Хайнрихсена в Нюрнберге.

гауптвахту с барабанщиком и выходившим из караульни, по колокольчику, фронтом. Эта игрушка у Петра Федоровича [будущего императора Петра III — Г. В.] в медовый месяц после брака доставляла ему огромное удовольствие» — *Божеянов*. Невский проспект. СПб., [б. г.]. Т. I. С. 117.

«Удивительно, что вопреки стараниям, которые прилагались, по воле императрицы Марии Феодоровны, чтобы предохранить великого князя Николая Пав-

Лист каталога фирмы оловянных солдатиков Э. Хайнрихсена в Нюрнберге.

ловича от увлечения военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась в нем, тем не менее, с неодолимой силой. Она особенно сказывалась в характере его игр. Как только Николай Павлович вставал по утрам, он почти тотчас же принимался с Михаилом Павловичем за военные игры. У них было большое количество оловянных солдатиков; зимой они расставляли их по столам в комнатах, а летом играли этими солдатиками в саду, строили редуты, крепости и атаковали их. Кроме солдатиков, оловянных и фарфоровых, у них был целый арсенал других игрушек, напоминавших о военном быте: ружья, алебарды, гренадерские шапки, деревянные лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и т. д.» — *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 19.

«Норов (Василий Сергеевич, декабрист — Г. В.), находясь в Пажеском корпусе, своими способностями обратил на себя внимание императрицы Марии Феодоровны, которая брала его часто во дворец к своему сыну Николаю Павловичу. Любимой игрою великого князя с Норовым были оловянные солдатики. Из чур-

бачков устраивали они крепости, выкладывая их по чертежам, стреляли из каких-то пушечек. Однажды за такой игрой армия Норова явно стала брать перевес над армией великого князя, которая оказалась в безвыходном положении; единственный способ спасти ее был уничтожить разом всю армию Норова, что Николай Павлович и сделал, смахнув рукой со стола на пол всех солдат противника. Оба главнокомандующих настолько разгорячились игрой, что вовсе забыли о положении, которое их разделяло. После этого поездки Норова во дворец были прекращены». — *Полливанов Н. П. Василий Сергеевич Норов (декабрист): 1793—1853//Русский архив. 1900. Кн. I, № 2. С. 273—274. [Цит. по: Былое. 1925. № 2. С. 89].*

«Скоро появились и оловянные солдатики, изготовлявшиеся тогда в Германии с большим искусством. Они продавались коробочками по пятьдесят и сто фигур и точно изображали все европейские армии, в том числе и русскую гвардию. Постепенно совершенствуя «игру в солдатики», мы с братом довели ее до того, что, когда нам было десять — двенадцать лет, действовали уже с соблюдением некоторых законов тактики. У нас был большой стол, на котором мы из песка делали рельеф местности, отмечая леса — елочками, всякие преграды — краской. Войска передвигались по определенной мерке, конница с двойной скоростью, артиллерийский огонь мы вели по открытым целям на определенную мерку, и он давал двадцать пять процентов потерь и т. п.» — *Игнатьев А. А. 50 лет в строю. М., 1948. С. 22.*

«Моим главным развлечением в детские годы (приблизительно до 8 лет) были «солдатики» всякого вида и образца. Их я

Упаковка оловянных солдатиков в коробочки.

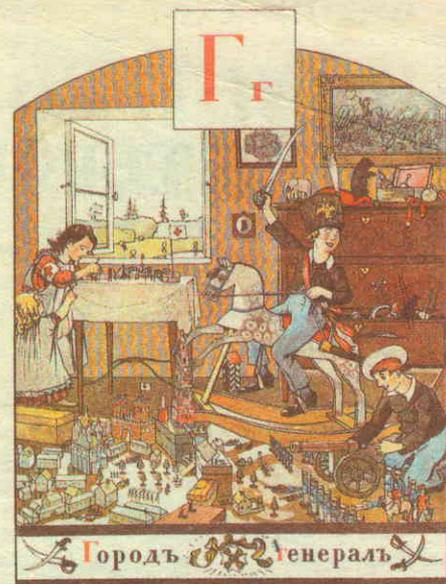

Das Sortieren

любил так, как только мог любить свои войска какой-нибудь немецкий «серениссимус» — великий охотник до «парадов». ...«Солдатики» было у меня несколько сотен. Одни были оловянные, другие бумажные, вырезанные папой... Из оловянных солдатиков особую слабость я питал к тем сортам, которые стоили дороже и которые являлись как бы аристократией среди прочего населения моих коробок. Это были «кругленькие», «выпуклые» солдатики, причем кавалеристы насаживались на своих коней и для большей усидчивости обладали штифтиком, который входил в дырочку, проделанную в седле лошади. «Спешенные», такие всадники имели препотешный вид; они оставались с расставленными ногами, точно они замочили себе штаны (неприятное чувство замоченных штанов было мне тогда хорошо знакомо), и вместе с тем в таком виде они походили на настоящих кавалеристов, у которых от езды тоже ноги становятся колесом... Эти «толстые» солдатики продавались в коробках, в которых обыкновенно помещались еще всякие другие вещи: холщовые палатки, которые можно было расставлять, пушки на колесах и т. п. Все это было страшно интересно, и я действительно блаженствовал, когда расставлял все это на столе, создавая себе иллюзию, что все это настоящее. Если же к этому прибавлялись оловянные тонкожурные кусты и деревья, а также те восхитительные домики, которые папа мне вырезал и клеил, то иллюзия правды становилась еще полнее.

Вся эта домашняя военщина, будучи привозной, заграничной, довольно дорого стоила». — *Александр Бенуа. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. I. С. 208—209.*

Оловянные солдатики в составе коллекции игрушек известного художника и искусствоведа А. Н. Бенуа ныне хранятся в Государственном Эрмитаже и экспонировались на нескольких временных выставках.

Лист из «Азбуки в картинках А. Бенуа».

Упаковочные коробки.

«Дети оттягивают ведущих их за руки мам и требуют посмотреть в игрушечных магазинах [в Петербурге — Г. В.] оловянных солдатиков, паровозики с прицепленными вагончиками, бегущие по рельсам. Особенно интересен магазин Дойникова в Гостином дворе на Невском, славящийся большим выбором солдатиков. <...> во время неизменных праздничных прогулок на Острова я благоговейно смотрел на Петровский дуб, огороженный скромной решеткой. Стоя перед этим дубом, я шептал ему свои заветные желания: например, получить в подарок еще одну лучиночную коробочку с оловянными солдатиками...». — *Лихачев Д. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 27—28, 73.*

Приведенные отрывки объединяет то, что в них главными действующими лицами являются оловянные солдатики-игрушки. Именно эта функция делает схожим отношение к солдатикам будущих императора и декабриста, военного атташе и художника, академика и героев сказки Х.-К. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

КИСТИ ГРЕНАДЕРСКИХ ШАПОК, МУШКЕТЕРСКИХ И ЕГЕРСКИХ ШЛЯП В 1802—1807 ГОДАХ

Верх гренадерских шапок, мушкетерских и егерских шляп в 1802 г. украшали шерстяные кисти, которые несли информацию о принадлежности головного убора к определенному полку и батальону. Так, цвет самой кисти указывал на номер батальона: белая — 1-й батальон, желтая — 2-й батальон, красная — 3-й. Серединой была полкового цвета, как погоны мундиров, но встречались и исключения, вследствие чего, дабы избежать путаницы и ошибок, была составлена специальная ведомость, Кисти шапок унтер-офицеров отличались от кистей на шапках рядовых. Кисть крестообразно разделена на четыре части, две из которых белые, а две — черные с оранжевым.

16 сентября 1802 г. нижним строевым чинам Егерских полков были даны новые круглые шапки. 19 августа 1803 г. указом Военной Коллегии во всех полках инфантерии, артиллерии и егерей вместо шляп были введены «шапки из черного сукна, с лопастями, обшитыми вокруг тульи черной кожей, с козырьком... бантиком из ленты... и с двумя шерстяными кисточками...». Расцветка обеих кистей была одинакова, исключение составляли шапки унтеров, у которых верхняя кисть была как у рядовых, а нижняя — унтер-офицерская.

Конструкция верхней кисти предельно проста. Ее основу составляет медная либо железная проволока около 2 мм в диаметре, согнутая пополам так, чтобы свободные концы могли быть спрятаны в тело кисти. На проволоку сначала укладываются шерстяные нити, составляющие середину кисти, потом нити окружия. Затем, в нижней части, нити кисти перетягиваются в трех местах, образуя шейку кисти. После чего кисть расчесывается и ровно постригается в верхней своей части.

Нижняя кисть, получившая впоследствии название РЕПЕЕК, имеет иную конструкцию. Основанием ее служит деревянная полусфера с проволокой для ее крепления. Деревянная полусфера обшивается шерстяной тесьмой, от центра по спирали. Обратная сторона репейка подшивается черной кожей.

Интересно отметить, что оранжево-черные сектора унтер-офицерских кистей, положенные по приказу, делались из черных, желтых и красных нитей, что было вызвано тем, что сектор, набранный из черных и оранжевых нитей, смотрится серым, в то время как желтый с красным и черный в ощущении дают требуемые цвета.

Хотелось бы также отметить, что в на-

Кисть гренадерской шапки Кексгольмского мушкетерского полка.

Белая кисть гренадерской шапки указывает на принадлежность к первому (гренадерскому) батальону, а желтый цвет середины говорит о старшинстве полка в инспекции.

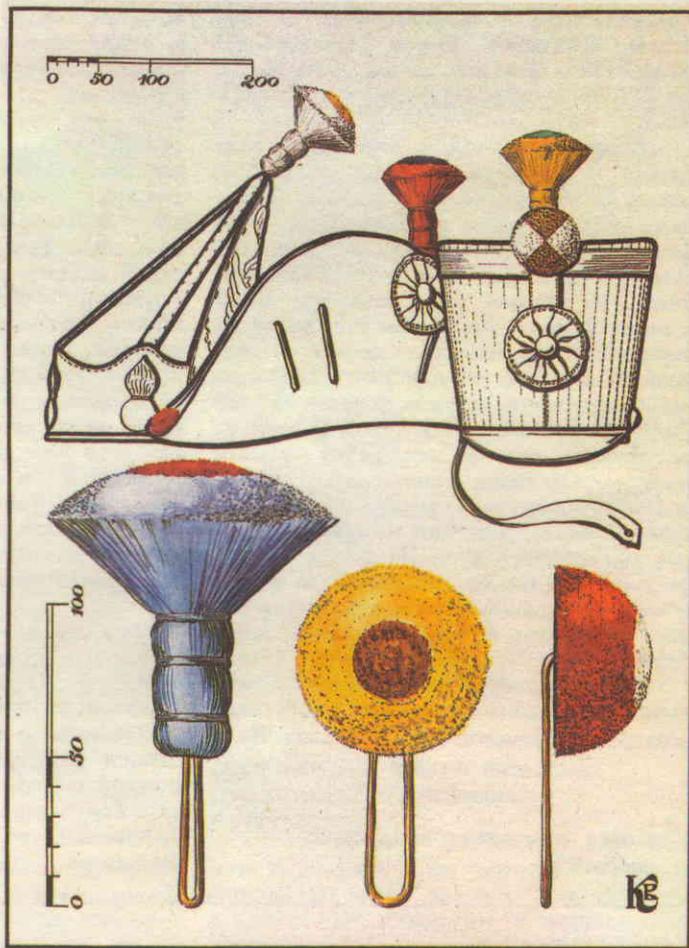
Кисть шляпы 3-го батальона Олонецкого мушкетерского полка.

Кисть вставлена в гнездо у верхнего края шляпы и зафиксирована при помощи пуговицы, расположенной по середине кокарды. Боковые кисти шляпы имеют тот же цвет, что и верхняя кисть, но без цветной середины.

Кисти шапки 2-го батальона Апшеронского мушкетерского полка. 1803 г.

Верхняя кисть указывает на принадлежность ко второму батальону полка, а нижняя — на унтер-офицерский чин ее владельца; у рядовых цветное сочетание верхней и нижней кисти одинаково.

Кисть гренадерок, шляп, шапок. Голубой цвет кисти указывает на ее

принадлежность к четырехбатальонному гарнизонному полку, 2-му его батальону.

Нижняя кисть шапок. Ее конструкция отлична от верхней кисти, что вызвано другим местоположением ее на

шапке и иным способом ее крепления. Впоследствии нижняя кисть получила название РЕПЕЕК.

чале XIX в. уделялось большое внимание проблеме согласования цветов, цветовой гармонии, что накладывало свой отпечаток на составление таблиц и ведомостей расцветки гренадерских шапок, кистей и т. п. Этим, в частности, объясняется замена цветных задников гренадерских шапок на черные. Там, где составляющие

цвета давали плохое, в эстетическом понимании, сочетание, задник шапки заменялся на черный.

Например, у Белозерского полка верх шапки красный, задник — черный вместо светло-малинового, у Киевского гренадерского — розовый верх и черный, вместо красного, задник, и т. п.

1802, июня 6-го. № 20.287 именной, объявленный Военной Коллегии Членом ее, Князем Долгоруковым. О шапках для Гренадерских и Мушкетерских полков.

...Гренадерским, мушкетерским, гарнизонам и егерским полкам и батальонам иметь на шапках гренадерских и шляпах кисточки сходные с назначением в приложенной тут ведомости.

ВЕДОМОСТЬ

назначенным цветам для кисточек, состоящих на шапках гренадерских и шляпах в гренадерских, мушкетерских, гарнизонных и егерских полках и батальонах.

3-х-БАТАЛИОННЫЕ

(Полковой цвет красный)

Гренадерские Кисточки
С. Петербургский, Екатеринославский, Киевский, Сибирский, Кавказский, Московский, Астраханский.

Лейб-Гренадерский, мушкетерские: Великолуцкий, Азовский, Троицкий, Московский, Рыльский, Ширванский, Третий Егерский, гарнизонные: Астраханский, Иркутский

Невский, Кексгольмский, Черниговский, Ростовский, Старонингерманландский, Смоленский, Нижегородский, Белевский, Суздальский, Пермский, Вятский, Нашебургский, Екатеринбургский, Селенгинский, Девятый Егерский.

Гарнизонные: Тобольский 2-х-батальонный: окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 красное, а внутри у всех цвет желтый.

Одни-батальоны

Вильманстрандский, Нарвский, Динаминдский, Царицынский, Могилевский, Саратовский, Кизильский.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет светло-малиновый)

Кисточки

Белозерский, Тобольский, Муромский, Апшеронский, Брянский, Владимирский, Севастопольский, Тифлисский, Воронежский, Нарвский, Тамбовский, Двенадцатый Егерский, Ревельский гарнизонный.

Гарнизонные же одни-батальоны

Кексгольмский, Новгородский, Азовский, Тамбовский, Верхнеуральский, Омский.

3-х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ:

(Полковой цвет бирюзовый)

Елецкий, Севский, Архангелогородский, Рязский, Ярославский, Кабардинский, Углицкий, Бутырский, Орловский, Пятый Егерский, Архангелогородский гарнизонный.

Гарнизонные же одни-батальоны

Нейшлотский, Псковский, Аренбургский, Таганрогский, Троицкий, Петровский.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет розовый)

Тенгинский, Днепровский, Низовский, Ладожский, Курский, Кольванский, Старооскольский, Второй Егерский, Роченсальмский гарнизонный.

Гарнизонные же Кизлярский 2-х-батальонный: окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 красное, а внутри цвет розовый.

Одни-батальоны

Владимирский, Звериноголовский, Семипалатный.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет светло-зеленый)

Литовский, Ревельский, Тульский, Алексопольский, Полоцкий, Полтавский, Навагинский.

Окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет желтый.

Гарнизонные батальоны

Моздокский, Нижегородский, Орский, Бийский.

Окружье снаружи белое, а внутри цвет светло-зеленый.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет серый)

Софийский, Козловский, Украинский, Четвертый Егерский.

Окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет серый.

Гарнизонные батальоны.

Тверской, Симбирский, Камчатский.

Окружье снаружи белое, а внутри цвет серый.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет лиловый)

Новонингерманландский, Саратовский, Девятнадцатый Егерский.

Окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет лиловый.

Гарнизонные батальоны: Железнодорожный: окружье снаружи белое, а внутри цвет лиловый.

3-х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет синий)

Олонецкий, Восьмой Егерский.

Окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет синий.

Гарнизонные батальоны: Тарский, окружье снаружи белое, а внутри цвет синий.

3-х-БАТАЛИОННЫЕ ЕГЕРСКИЕ

Первый. — Полковой цвет палевый.
Шестой — Полковой цвет огневой.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет светло-зеленый.

Десятый. — Полковой цвет черный.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет черный.

Одинадцатый — Полковой цвет абрикосовый.
Тринадцатый. — Полковой цвет планжевый.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет светло-зеленый.

Четырнадцатый. — Полковой цвет каштановый.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет каштановый.

Пятнадцатый. — Полковой цвет светло-железный.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет светло-железный.

Шестнадцатый. — Полковой цвет верблюжий.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет верблюжий.

Семнадцатый. — Полковой цвет фиолетовый.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет фиолетовый.

Восемнадцатый. — Полковой цвет коричневый.

На шляпах окружье снаружи в 1 батальоне белое, во 2 желтое, в 3 красное, а внутри у всех цвет коричневый.

ГАРНИЗОННЫЕ ЖЕ 4-Х-БАТАЛИОННЫЕ

Кронштатский, Рижский, Московский.

Выборгский, Херсонский, Киевский, Казанский.

ОДНИ-БАТАЛИОНЫ

Перекопский, Смоленский.

3-х-БАТАЛИОННЫЕ

(Полковой цвет белый)

Гренадерские
Павловский, Таврический, Малороссийский, Херсонский, Фанагорийский.

Мушкетерские

Рязанский, Псковский, Выборгский, Витебский, Казанский, Новгородский, Шлиссельбургский, Уфимский, Томский, Седьмой Егерский.

Гарнизонные 2-х-батальонные

Фридригсгамский, Ахтиарский, Дмитриевский, Оренбургский, Селенгинский.

Одни-батальоны

Шлиссельбургский, Перновский, Очаковский, Витебский, Воронежский.

3-Х-БАТАЛИОННЫЕ МУШКЕТЕРСКИЕ

(Полковой цвет желтый)

Начиная со 2-го номера, редакция журнала «ОРЕЛ» предлагает читателям публикацию наиболее интересных глав из книги «Мемуары г-на д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, повествующие о необыкновенных и секретных событиях, которые произошли во времена царствования Людовика Великого», которая стала известной благодаря таланту Куртиль де Сандра, первого автора, сумевшего придать запискам легендарного мушкетера стройный и читаемый стиль, а также благодаря гению А. Дюма-отца, автора великолепных книг «Три мушкетера» (1844 г.), «20 лет

спустя» (1845 г.) и «Виконт де Бражелон» (1848—1850 гг.).

А уже в 1992 году наши читатели смогут получить прекрасный подарок, если оформят подписку на книгу «Мемуары д'Артаньяна». Стоимость издания — 30 рублей. Книга будет рассылаться подписчикам наложенным платежом. Для оформления необходимо перечислить указанную сумму на расчетный счет редакции (см. подписку на журнал «ОРЕЛ») и вместе с заявкой на книгу переслать в адрес редакции копию квитанции об оплате.

И желанная книга — в вашей библиотеке.

«<...> его (Бернажу) слова сильно задели меня. Я ответил ему, что дети моего возраста и моей храбрости столь же прекрасно владеют шпагой, как и те, кто их презирает; и, будучи вдвое младше моих соперников, тут же обнажил шпагу, чтобы придать эффект словам. Он был вынужден обнажить свою шпагу, чтобы защищаться, хорошо видя по манере, с которой я все проделал, что я не имею желаний с ним торговаться. Он нанес мне несколько довольно сильных ударов, намереваясь быстро разделаться со мной. Но, парировав их с легкостью и изяществом, я ударил его под руку, которую к тому же несколько раз уколол. Он упал в двух шагах от меня и я, посчитав, что он мертв, поспешил к нему, чтобы оказать помощь, если она была еще необходима. Но, приблизившись, я увидел, как он направил на меня острие клинка, по-видимому полагая, что я буду настолько безумен, что брошусь на него по собственной воле».

д'Артаньян. «Мемуары».